

Г. Х. Умурзаксв

ДРЕВНИЕ БАШКИРЫ

Некоторые вопросы истории

Под редакцией профессора Д. Ж. Валеева

УФА—1991

Г. Х. Умурзаков

Д Р Е В Н И Е Б А Ш К И Р Ы

Некоторые вопросы истории

Под редакцией профессора Д. Ж. Валеева

УФА—1991

Посвящаю памяти выдающегося сына
башкирского народа ученого-востоко-
веда и общественного деятеля Заки
Валиди Тогана.

Обратимся еще раз к истории:

она — ключ к пониманию народов.

П. Я. Чаадаев.

В В Е Д Е Н И Е

История происхождения и развития полуторамиллионного башкирского народа нашла отражение в различных публикациях археологов, этнографов историков и лингвистов. Однако научные издания, публикуемые сравнительно небольшим тиражом, далеко не удовлетворяют запросы широких читательских масс. В условиях роста национального самосознания народов, возросшего интереса к национальной истории, возникает тенденция непременно приводящая к поискам своих национальных корней, приобщению к языку и культуре далеких и близких предков. Развитие культуры и образования ведет к поиску истоков личности и постановке вечных вопросов «кто я?», «кто и откуда мои предки?» и т.п.

И все чаще, в последние годы слышен призыв, имеющий большой общественный резонанс: оглянуться на прошлое, посмотреть от чего мы отказываемся, что теряем, кем становимся утратив свои корни. Мы начинаем терять традиционную культуру, а главное забываем уникальный родной язык созданный тысячелетиями. Даже овладев современными достижениями науки и техники порвав с традициями, культурой, языком наших предков, мы больше теряем, чем приобретаем. Ведь можно и нужно «сочетать полезное с приятным», но теряя национальные черты, уни-

фицируясь мы теряем человеческое и ту доброту, гуманизм, гармонию с природой и обществом. Как непобедимый Антей без своей земли-матери, дающей ему силы, оказывался бессильным, так и человек, оторванный от «родной почвы», утрачивает свою человеческую сущность.

В. Г. Белинский писал, что народы иногда останавливаются оглядываясь назад, чтобы осмыслить свое прошлое. И нам, следуя такому примеру, нужно задуматься, окинуть взором, пройденный народом, путь.

Родина начинается с родного края, Где ты родился и вырос, где многие века живет твой народ. Понятия родина и родная земля неразрывно связаны и священны для каждого человека, представителя любого народа. Гай Юлий Цезарь утверждал: «Лучше быть первым парнем в деревне, чем последним в Риме», а башкирская поговорка гласит: «Лучше быть олтаном на родине, чем султаном на чужбине». Презирая рабство, свободолюбивые и гордые «северные амуры» героически защищали свою свободу, права, родную землю, которую любили и не покидали. Но в последние годы положение изменилось, десятки тысяч башкир, особенно молодежь «в поисках лучшей доли», бросая родные очаги—землю отцов и дедов», переезжают в соседние и дальние области

страны. В период между переписями населения с 1979 по 1989 гг. численность коренного народа Башкирии сократилась на 72 тыс. человек, тогда как число татар возросло на 179 тыс. человек. Учитывая почти одинаковые темпы роста численности татар и башкир (2,8% и 2,9%) отмеченные мной в выступлении на Всесоюзной научной конференции в г. Омске в 1987 г., позволяли прогнозировать, что количество башкир и татар в республике возрастет примерно по 90 тыс. каждый. Вероятно, так и произошло. Однако, определенная часть колеблющихся северо-западных башкир поддавшись не столько влиянию агитации, сколько давлению отдельных татарских деятелей и переписчиков записалась татарами.

Известный этнограф С. И. Руденко в 1925 г. в своей монографии «Башкиры» поясняет: «Для того, чтобы дать наглядное представление о том сложном конгломерате, в котором живут башкиры, к книге приложена племенная (этническая — У. Г.) карта территории, населенной башкирами, составленная Ф. А. Фильструпом». Сейчас, как известно, в Башкирии живут представители более 70 народов, поэтому мы, подражая Руденко, для лучшего понимания истории и современного состояния башкирской нации прилагаем к нашему сочинению таблицы динамики этноструктуры населения Башкирии и народов Урало-Поволжья. Приведенные таблицы, разработанные автором, послужат материалом для будущих работ.

В этой связи Карл Маркс указывал: — «Как бы не выглядели сухо

эти выстроенные тесными колонками в официально напечатанном документе цифры, они в действительности дают больше ценного материала для истории общего развития нации, нежели томы, полные риторической чепухи и политической болтовни. Первое, что привлекает, наше внимание, — таблицы численности населения».

В данной, небольшой по объему работе, написанной на основе привлечения различных источников и многообразной литературы, автор касается отдельных аспектов тысячелетней истории Башкирского народа, пытаюсь в какой-то мере восполнить потребности в научно-популярной исторической литературе, вызванные особенностями развития советского общества в последнее десятилетие XX века.

ДРЕВНЕЙШЕЕ НАСЕЛЕНИЕ БАШКИРИИ

Более ста тысяч лет тому назад на Южном Урале обитали первобытные племена, которые занимались собирательством, рыболовством и охотой. Благоприятная природная среда данного региона, с многочисленными реками и озерами, горами и лесами, равнинами степей и лесостепи, богатые фауной и флорой, способствовали прогрессу общественной жизни древних людей.

Развитие производительных сил, вызванное началом использования огня, изобретением лука, обусловили возникновение самостоятельного очага цивилизации на Южном Урале. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в знаменитой пещере Шульган-таш (Каповой) рисунки мамонтов, носорога, лошади, а также оставленные древними мастерами контуры каких-то объемных

предметов, напоминающих геометрические фигуры. Рисунки эпохи палеолита-культуры наследия первобытных людей, живших в округе около 20 тыс. лет назад.

Совершенствование орудий труда, особенно использование металлов, начавшееся с середины III тыс. до н. э. применением бронзовых орудий, способствовало дальнейшему развитию первобытного общества и возникновению древнейшей человеческой цивилизации-городище Аркаим, «уральская или башкирская Троя». Аркаим — город дискообразной формы, существовавший четыре тысячи лет назад. Его начавшиеся раскопки помогут раскрыть археологам многие тайны истории происхождения народа.

Сохранившиеся до недавнего времени «чудские копи» — это следы жизнедеятельности загадочного народа «чудь». «Чудские копи» — места древних разработок медных руд, встречающих по всей южной части Уральского хребта и как бы объединяющие в один культурный круг все палеометаллические остатки на территории древней Башкирии, относящиеся к XIV—X вв. до н. э. Ввиду примитивности техники горного дела разработка медных месторождений производилась тогда при помощи медных и костяных заступов и ограничивалась верхними пластами.

Исследованные археологами остатки древних поселений, последовательно сменявших друг друга Андроновской, Срубной и Абашевской культур, свидетельствуют об оседлом образе жизни населения, основой хозяйства которой явилось оседлое пастушеское скотоводство

и пойменное земледелие.

«Отец истории» Геродот в V веке до н. э. писал, что Восточная Европа населена савроматами. Савроматы были известны античным писателям позднее под именем сармат. «У подножия высоких Рифейских (так он называет наш седой Урал — У. Г.) гор обитают люди. Имя того народа — аргиппеи». С. Я. Лурье считает их предшественниками современных башкир. Краевед В. М. Филоненко в своей книге «Башкиры» (Уфа, 1915), приводя различные суждения «о племенном происхождении башкир», заметил: «Эрман хочет признать башкир в Агриппеях Геродота, — всадниках на белых конях, живших, по греческому историку, в гористой стране, за его Скифией; он основывает свое мнение на сходстве обычаев приписываемых Геродотом Агриппеям, с обычаями нынешних башкир».

«География» Страбона, содержащая во многом достоверные сведения о расселении более 800 народов в начале нашей эры наряду с многонаселенностью края, сообщает, что здесь кроме сарматов находится «страна ургов». «Урги, по большей части кочевники, хотя немногие занимаются земледелием», — отмечает Страбон. Возможно, что ургами он называет угров — венгров, как предполагает профессор С. Л. Утченко.

После того как савроматы, начиная с III в. до н.э., распространили свою власть с Урало-Поволжья на все Северное Причерноморье, это новое племенное объединение получило название «сарматов», которые

впервые упоминаются у древнегреческого историка Теофраста. В конце 1 тыс. до н.э. основная масса сарматских племен по неизвестным причинам, оставляя южноуральские степи, устремляется на запад. Тем самым, исчезновение реальной военной угрозы для местного оседлого

населения в немалой степени способствовали культурному[^] экономическому и демографическому росту у племен, населявших Древнюю Башкирию.

«Врезанные в память письмена
гушие столетия не сотрут».

Вильям Шекспир

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

С древнейших времен Южный Урал как и вся Восточная Европа служил «великими воротами народов», где по словам Фридриха Энгельса: «Приливы азиатских нашествий, набегаая один за другим в течение тысячелетия, оставили на берегу груды перемешанных обломков наций, которые даже и теперь этнолог едва может различить». Здесь не было физических преград к смешению народов, не было условий для замкнутого, изолированного существования. Само географическое расположение Древней Башкирии, раскинувшейся на стыке Азии и Европы, на Южном Урале, в его предгорьях и прилегающей степи способствовало разнообразию ее этнической истории. Здесь сталкивались и перемешивались: угры, сарматы, аланы, гунны, сувазы, болгары, огузы, печенеги, половцы, хазары, кипчаки, монголы, ногайцы, калмыки другие местные и пришлые, лесные, земледельческие и скотоводческие, оседлые и кочевые племена древности и средневековья, которые в этой

БАШКИРСКОГО НАРОДА

или иной мере влияли на формирование и исторические судьбы башкирского народа. Территория исторической Башкирии была ареной постоянных и многочисленных контактов между разноязычными (иранскими, финно-угорскими, сармато-аланскими, позднее—тюркскими) племенными группами, часть из которых вошла в состав родов и племен, поло-

живших начало башкирскому этносу.

Академик Ю. В. Бромлей отмечал: «Человеческая история была всегда историей контактов и смешения различных по своей антропологической, языковой и культурной принадлежности групп, что в мире нет ни одного «чистого», не впитавшего множество инородных элементов, сохранившего некие имманентные свойства народа». Башкиры в этом роде не являются исключением, процесс образования народа протекал на протяжении тысячелетия в пределах Башкирского края, причем территория его с древних времен была заселена автохтонным населением, в среду которой постоянно

вливались пришлые родоплеменные группы. «Конечно, предки башкир, утверждает Б. Х. Юлдашбаев, появились на современной их территории, где они и сложились в самостоятельную народность, настолько давно, что их вполне можно и нужно считать автохтонными жителями, то есть аборигенами Приуралья, Южно-Уральского края». «Великое переселение народов», начавшееся в начале нашей эры мощным

движением гуннских племен (хунну) из глубин Центральной Азии, являвшейся «народовержущим вулканом», положило начало тюркизации яфетического населения Северного Кавказа и угро-финнов Урало-Поволжья. Гунны прошли как смерч, стерев с лица земли кочевую культуру поздних сарматов, покорив алаң и остготов, неукротимым валом обрушившись на восточные, дунайские границы Римской империи.

«И гунны черной тучей,

Где ж Рим, где ж Рим могучий.

Аттила впереди».

А. С. Пушкин

Стремительно вторгаясь в пределы оседлых местных племен, гунское нашествие отбросило часть населения Урало-Поволжья на запад, других - на север, в леса Приуралья. С гуннами связывают свое происхождение башкиры некоторых минских родов. «Гун-башкиры» ведут свою генеологию к вождю гуннов Баламиру (или Валамиру), чье имя связано с победой гуннов над готами в 375 г. Оседание части кочевых гуннских племен и покоренных ими племенных групп в Приуралье и этническая ассимиляция их с коренным населением ускорили процесс перехода местных племен к полукочевому скотоводству. Тюркоязычные племена, входившие в обширное гуннское племенное объединение, дали сильный толчок языковой ассимиляции коренного населения края.

Мухаметсалим Уметбаев повеству-

ет о «гун-башкортах», особенный язык которых связан с языками народов Центральной Азии, в частности, с чаготайским. Представляет интерес и сообщение китайских источников о «потомках старых гуннов» в бассейне Волги в VIII—IX вв. В числе этих племен перечисляются Бо-хан и бейдин, которые предположительно отождествляются, соответственно, с волжскими булгарами и башкирами.

Аполинарий Сидоний (430—485 гг.), перечисляя подчиненные гуннам племена в середине V века, называет гепидов, бастарнов, скифов. Как известно, гепиды в Средней Азии, скифы в Причерноморье, а бастарны показаны между ними, может быть они занимали Урало-Поволжье? Интересно отметить, племя неизвестного происхождения «Бастарны», отмеченные в трудах Страбона, Клав-

дия Птолмея и римского поэта Публия Овидия Назона (43 г. до н.э.—18 г. н.э.), в V в. «исчезают» со страниц исторических источников, но через несколько веков западноевропейские путешественники обнаруживают на Урале «баскартов» — башкорт.

За гуннами последовали тюркские кочевые племена: печенегов, огуз, болгар и многоязычных хазар. В VI в. степи Восточной Европы, включая Поволжье и Приуралье входили в ту же огромную тюркскую кочевую империю известную как «Тюркский каганат», что и степи Средней Азии до границ Китая. В этот период, отмечает Л. Н. Гумилев, «тюркюты ощущали себя единым народом. Впоследствии мусульмане, сталкиваясь с тюрками, отметили их удивительное умение находить общий язык с окружающими народами и в любом случае они делали карьеру с большим успехом, чем представители других народов. В VIII веке размножившиеся тюрки-кипчаки оказались в силах бороться с Китайской империей. Так в 720 г., слава победы тюрков над имперской китайской армией пролетела по Великой Евразийской степи и все мятежные племена склонили головы перед золотой волчей головой на знамени тюркского Бильге-хана». Но через два десятка лет под ударами уйгуров и других народов Тюркютская держава распалась. «На обломках» Западно-тюркского каганата образовались Хазарский каганат, Булгарское государство — Волжская Булгария, объединения и союзы тюркских племен. Именно в этот период с постепенным разрушением

родоплеменного трайболизма возникают крупные объединения башкирских племен. Исторические сказания, шежере свидетельствуют о создании башкирских племенных союзов, собирателями которых выступала родоплеменная знать усергенцев и бурзян. Башкирское племенное объединение во главе с ханом Джалыком было настолько сильным, что оно противостояло Волжской Булгарии. Абу-Зейд аль-Бальхи пишет о существовании в X веке двух военно-политических союзов башкирских племен. Приведенные сведения дают основания считать эти объединения (союзы) башкирских племен зачаточными формами государственности. Р. Г. Кузеев и Б. Х. Юлдашбаев

считают, что «Появление в X—XIII веках крупных племенных объединений башкир надо рассматривать как зачаточную форму государственных образований башкир. При естественном развитии тенденция к объединению башкирских племен привела бы

по мере углубления феодальных производственных отношений к образованию самостоятельной государственности башкир». Однако, как известно, естественное развитие истории башкирского народа была нарушена вторжением татаро-монгольских полчищ в XIII веке. Поэтому правомерны утверждения Д. Ж. Валеева, что это были предгосударственные (потестарные) образования, окончательной трансформации которых в государственные образования помешало нашествие войск Чингизхана. Данные материалы показывают масштабы и глубину этнических и политических процессов консолида-

ции формирующейся башкирской народности.

В письменных источниках раннего средневековья имеются различные сведения о народах, их названиях и территории расселения, оказывающиеся искаженными, так как передавались изустно разноязыкими купцами и путешественниками, через тысячи километров, приносящих не полные данные о далеких землях и невиданных племенах.

Так, в «Армянской географии» VII в., приписываемой Моисею Хоренскому, сообщается: «В Сарматии чашодятся горы... много рек, в числе их Этиль с 70 рукавами (или притоками), на котором защищаются (укрепляются) народ басилы от сильных народов, хазар и бушков, приходящих на зимние пастбища». Известный советский археолог М. И. Артамонов считал, что «бушками здесь названы башкиры, баджгурды арабских писателей». А. Б. Булатов, Р. Г. Кузеев и другие исследователи приводят данные сведения о воинственных башкирах «на западе и востоке» от Волги вместе с хазарами, угрожавших болгарам.

Искаженное наименование башкир приводится в сочинении арабского географа Ибн Хордадбега (820—912 гг.), который дает перечень тюркских народов, заимствованный им из источника более раннего периода. «Страны тюрков: токузгузы — их область самая большая из тюркских стран, они граничат с Китаем (син). Затем кимаки, гузы, джигиры, печенеги...» Как известно, огузы (гузы, узы — предки современных туркмен) обитали в Средней Азии, печенеги кочевали между Волгой и Уралом,

а «джигиры» — «неизвестный народ» показаны между ними — на Урале.

Кроме того, по звучанию, «джигиры» близки с другими восточными названиями башкир — «башгиры», «башгирды».

Близкое к названному написанию название башкир является «басджирты» ал-Идриси (XII в.), заимствованное им из более раннего источника — из «Записок» некоего Саллама ат-Тарджемана (Переводчика), который с небольшой, но хорошо снаряженной группой путешественников (между 842—844 гг.) совершили путешествие в «страну басджиртов». Путешественники во главе с Салламом сначала прибыли в Хазарию,

где «тархан, царь хазар» дал им 5 переводчиков для дальнейшего пути и через 27 дней они встретили башкир, а затем через область с черной почвой и дурным запахом добрались до развалин городов. В «Записках» Тарджемана сообщается: «Ниже г. Хиама впадает в реку Руза большая река, текущая с севера от этой реки с больших гор, отделяющих страну гузов от страны «басджиртов».

Эти горы называются Мургар». В этом источнике, сохранившемся также в изложении вышеназванного багдадского автора — Ибн-Хордадбега, нет точного упоминания — на востоке или на севере от города на Волге путешественник нашел башкир.

Относительно локализации этих башкир, — констатирует Н. А. Мажитов — существуют разные мнения, но несомненным остается одно — они находились в районе между Южным Уралом и Аральским морем. Где-то здесь башкир размещает и

Ал-Масуди, говоря, что башкиры участвовали в войне баджан и нукердов против гузов, карлуков и кимаков».

В арабской географической литературе имеются сообщения и о первых башкирских племенах, например, «бурджанах» или брджанах», которые идентифицируют с башкирскими бурзянами, эти сведения содержатся в сочинении арабского поэта VIII в. Абу-Джарми ат-Тамими, известного благодаря работам Якута ал-Хамави (1179—1229 гг.), составившего многотомный географический словарь, представляющий собой энциклопедию географических знаний средневековья. Здесь, однако, следует оговориться, что названные «бурджане» являлись одним из тюркских племен, вошедших в дальнейшем в состав формирующейся башкирской народности, но которые, когда находились на Алтае еще не были башкирским племенем.

Перс Абу Али Ибн-Русте в 913 г. составил на арабском языке большой труд под названием «Дорогие ценности», в которой определяя географию размещения «страны башкир» автор сообщает, что она «лежит, между землею печенегов и землею болгарских эсегел». По словам Ибн-Руста, башкиры «народ самостоятельный, занимавший территорию по обеим сторонам Уральского хребта между Волгою, Камою, Тоболом и верхним течением Яика». В процесс формирования башкирской этнической общности на обширной территории от Тобола до Волги действительно были вовлечены многие как местные, так и пришлые племена. Приве-

денный Ибн-Руста, как видим четко очерчивает пределы расселения башкир в начале X в. и у нас нет никаких оснований не доверять автору источника как поступают некоторые современные исследователи, только от того, что его сведения не укладываются в прокрустово ложе» собственных идей, имеющих определенную тенденциозность.

Наиболее достоверными, имеющими большую научную ценность является этногеографические материалы Ахмеда ибн-Фадлана ибн-ал-Аббаса ибн-Рашида ибн-Хаммада, собранные им на основе наблюдения во время проезда по югу Башкирии, в качестве секретаря посольства багдадского халифа Джафара ал-Муктадира Биллаха к предводителю волжско-камских болгар Алмушу ибн-Шилки Балтавару, в апреле 922 г.

Огромный караван в 5 тыс. человек, включая вооруженный конвой, во главе Сусана ар-Расси 21 июня 921 г. отбыло из Багдада и прибыло к булгарам 12 мая 922 г. Маршрут шел через Хамадан, Рей, Нишапур, Мерв и Бухару. Затем посольство двигалось по Аму-Дарье до Хорезма у Аральского моря, через Усть-Урт и Яик в Поволжье.

Во время своего путешествия или по возвращению в Багдад в 923 г.

Ахмед Ибн-Фадлан составил подробные путевые записки, дошедшие до нас в виде так называемой «Мешхедской рукописи», благодаря которым можно не только восстановить маршрут багдадского посольства, но и составить этническую карту степной части Урало-Поволжья начала X в.

Так вот, обогнув с юго-запада Аральское море, перевалив через горы Чинка (южные отроги Мугоджар), пройдя через кочевья «племени тюрок под названием гузов», перейдя через реки Джам (Эмба), Узил (Уил) и другие, караван прибыл к печенегам, которые стояли «у воды, похожей на настоящее море» (озеро Челкар близ города Уральска).

«Мы остановились у печенегов на один день. Потом мы ехали много дней и переправились через реку Джаха (Яик), потом после нее через реку Ирхиз (Азхан), потом через Бачаг (Баджа), потом через Самур (Самара), потом через Кабал Кинель), потом через реку Сух (Сок), потом через реку Канджалу (Кундурча) и попали в страну народа из числа Тюрок, называемого аль-Башгирд» сообщает ибн-Фадлан.

Автор «Рисала» (Записок) был первым путешественником, чьи четкие точные сведения являются исторической ценностью, поскольку составлены по личным впечатлениям и гарантированы от ошибок. Он оставил первый правильный перечень названий рек Башкирского края.

На основе собранных в «стране башгирд» интереснейших этнографических данных о двух различных системах религиозных представлений книга «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу» дает возможность сделать некоторые предложения о племенном составе формирующегося башкирского народа. Одна часть, как полагает А. П. Ковалевский — которые среди своих тринадцати высших богов имели особого бога лошади, эти воинственные наездники, скотоводы-кочевники, по крайней мере в пре-

обладающей своей части, были тюрки. Тогда, вероятно, что остальная часть населения, оседлые, небольшие группы, «поклонники журавлей», принадлежало к угорским племенам, родственным по языку мадьярам.

Характерно, что в 922 г. Ибн-Фадлан зафиксировал содержание башкирской легенды о журавлях, варианты которой бытуют в народе и поныне («Сынрау торна» — «Журавлиная песнь»). Как повествуют народные легенды, журавли своим появлением, криком, некогда во время боя, обратили в бегство врагов башкир или предупредили их о надвигающейся опасности. Башкиры хорошо подготовились к бою и обратили в бегство врагов. Словом, если «Гуси Рим спасли» своим шумом, предупредив римлян о ночном нападении галлов, за что были почитаемы в храмах «Вечного города», то журавли обожествлялись частью древних башкир за то, что своим криком птицы предупредили о набегах врагов. Историческая память народа сквозь тысячелетия пронесла и сохранила не только эту легенду о журавлях, но и ее мелодию, которую и сейчас исполняют башкирские кураисты. На основе народной мелодии и легенды создан первый башкирский балет «Журавлиная песнь» композитором Л. Б. Степановым на либретто Ф. А. Гаскарова.

Кроме того, материалы Ахмеда Ибн-Фадлана дают основание полагать о многочисленности башкирского населения, поскольку путешественники «из боязни башкир, что они нападут врасплох на людей», «остерегались их с величайшей осторож-

ностью...» и высылали вперед военный отряд. Если башкир тогда действительно было только 2 тыс. человек, то они не могли бы совершать военные набеги далеко на юг и не внушали бы страха каравану из 5 тыс. вооруженных людей с отборной арабской конницей. Вероятно, Ибн-Фадлан и его спутники были осведомлены о башкирах, или последнее сами могли входить в состав конвоя посланников халифа, состоящего из тюрок, так как при Аббасидах в IX—X вв. на военной службе в Арабском Халифате преобладали тюрки; если в конвое не были сами башкиры, то могли присутствовать их соседи «северные тюрки» — болгары, печенеги, огузы, которые хорошо знали башкир, их многочисленность, воинственность, верования, благодаря им и смог автор «Записок» собрать столь разнообразные сведения о складывающейся башкирской народности.

Таким образом, «Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.», составленная по личным впечатлениям, являясь достоверным историческим источником, показывает башкирские племена как самостоятельную этническую общность и не дает оснований для утверждения, что якобы «древнебашкирские племена в VIII—X вв. составляли часть печенегов». А близость культуры и образа жизни двух названных этнических общностей башкир и печенегов не могут служить основанием для подобных заключений, к которым приходят Р. Г. Кузеев и В. А. Иванов. Эти слабо аргументированные, необъективные заключения перекликаются с высказываниями от-

дельных деятелей прошлого В. М. Флоринского, В. Н. Витевского и особенно татарской интеллигенции в начале XX в. заявлявших, что якобы башкиры и башкирский язык являются частью единого татарского народа и его языка. Такие рассуждения появлялись ввиду недостаточности достоверных сведений и знаний о башкирах, их истории, культуре, языке. Ныне не подлежит сомнению самостоятельная национальность башкир и их языка.

Между прочим, Эдриси, современник Ибн-Фадлана, писавший о башкирах, живущих у источника Камы и около Урала, заметил, что «язык башкир отличается от языка печенегов». Продолжительное самостоятельное развитие башкирского языка доказано результатами многолетних наблюдений в области тюркологии Дж. Г. Киекбаева, обобщенные им в монографии «Введение в урало-алтайское языкознание», где методом лексикостатистики, ученый определил, что древнебашкирский язык обособился от основы тюркского языка очень рано — примерно 4000 лет назад, а от чувашского — 3500. Касаясь проблемы, вызывающей принципиальные различия, мнений исследователей о происхождении башкирского народа и слагающих его компонентов, автор данной монографии роль пришлых компонентов в общем составе башкир считает незначительной.

Археолог С. А. Плетнева в своем исследовании «Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей» пишет: «Окруженные со всех сторон сильными соседями: с востока — кипчаками, с юга — гузами, с

севера — башкирами и начинающей крепнуть Волжской Болгарией, а с запада Хазарским каганатом, печенеги были, видимо, уже готовы к «нашествию» и первый толчок сдвинул с места эту лавину (в конце IX в.)». Следовательно, башкирские племена «в VIII—X вв» никак не могли быть «частью печенегов», а являясь «сильными соседями» печенегов, наряду с кипчаками, гузами, хазарами и булгарами сыграли определенную роль в «выталкивании» печенежской лавины из Урало-Поволжья в конце IX века. Вот что писал об этом в 50-х годах X в. в сочинении «Об управлении империей» византийский император Канстантин Багрянородный (905—959 гг.): Пятьдесят лет тому назад Узы, войдя в соглашение с Мадырами (башкирами — У. Г.) и вступив в войну с Печенегами, одержали вверх, изгнали их из собственной страны и ее заняли до сего дня так называемые Узы». И вместе с «Узами» (узы, гузы, огузы — предки туркмен) отвоеванную территорию заняли, вероятно, и союзники последних — башкиры, которые расширили пределы своего обитания южными Приуральскими степями.

Книга К. Багрянородного содержит сведения и о численном соотношении народов: «Печенеги близки и к Булгарам и, ... легко могут выступать против Булгарии и, благодаря своему превосходству в численности и силе, разбивать и громить их». Дальше автор указывает непосредственно географию размещения народов: «Должно знать, что Печенеги первоначально имели место жительства на реке Атиле (Волге), а также на реке Гей-

хе (Урале), имея соседями Мадыр (башкир) и так называемых Узов». Макарту считал, что здесь под «мадырос» (но не хазарос) понимаются мадыры-Башкиры. Следовательно, до конца IX в. печенеги занимали пространство на юге Поволжья и Приуралья, впоследствии вытесненные союзом племен узов и башкир, которые вместе оказались более многочисленными, чем печенеги. Военная мощь кочевнических племен средневековья во многом определялась их численностью, поскольку их социальная организация была на близком уровне.

Численное соотношение различных этнических (племенных) общностей средневековья в той или иной мере влияло не только на развитие этнополитической ситуации в крае, но и определяло ход и интенсивность этнических процессов, ведущих к формированию башкирской народности. Поэтому необходимо рассмотреть источники по исторической демографии башкирской народности. Вопросы численности народонаселения региона в эпоху средневековья специальным исследованиям не подвергались, а были затронуты в публикациях Б. Ц. Урланиса, А. Б. Булатова, Р. Г. Кузеева и автора этих строк.

Средневековые источники и данные о количестве населения, полученные на основе методики, разработанной советскими учеными Б. Ц. Урланисом, Ф. Д. Маркузаном и другими, по приблизительному подсчету населения с учетом ее основных занятий, хозяйства, образа жизни, географических условий обитания и для проверки указанных данных привлечения

археологических материалов, позволят получить сведения, близкие к достоверным. Как известно, при разработке исторической демографии прошлых эпох дополнительным аргументом в пользу верности оценки численности народонаселения служит и ретроспективный прием, который на основании имеющихся более точных данных, с учетом особенностей жизни, культуры народа, политических событий и процессов, происходящих в крае, позволяет реконструировать численность народов в отдаленные эпохи истории. Например, на основе сообщений арабских средневековых писателей Гардизи и Истархи, косвенных данных Ахмеда Ибн-Фадлана, специального исчисления Б. Ц. Урланиса и других данных, можно считать, что башкирское население насчитывало в X—XI вв. примерно 200 тыс. человек.

Одним из первых исследователей, коснувшихся вопроса исторической демографии средневековых башкир различных источниках, явился А. Б. Булатов, который в небольшой замечательной статье «Восточные средневековые авторы о башкирах» (АЭБ, т. IV. Уфа, 1971, с. 323—325) произвел краткий анализ источников и литературы. «О численности древних башкир можно судить по сообщению арабского писателя Истархи (849—934 гг.). В варианте его работы, изданном де Гуя на арабском языке, говорится: «Башкиры состоят из двух групп. Из них одна группа соседит с гузами, к северу от болгар. Их число доходит до 2 тыс мужчин». (Истархи. Китаб аль Масадик ва аль Мамалик. Лейден, 1927, с. 225). Современные историки, ког-

да ведут, речь о численности тогдашних башкир, ссылаются обычно на это издание, (см., например, С.И. Руденко. Башкиры М.—Л., 1955. Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1. 1. Уфа, 1956). Однако ссылки на Истархи встречались у восточных авторов еще до того издания и данные о численности башкир они передают иначе. Например, та же выдержка из Истархи приведена в книге М. Мекки, знатока арабского языка и восточников, в ней сказано: «Башкиры состоят из двух групп. Одна группа — по соседству с гузами, за булгарами. Их число доходит, до двухсот тысяч человек» (М. Мекки/ар—Рамзи). Тальфик аль ахбар... Оренбург, 1908, с. 231). Крупный историк XIX в. Шигабутдин аль Марджани, хорошо знавший восточные источники, приводит данную выдержку из Истархи: «Башкиры состоят из двух групп. Одна группа у страны гузов, за Булгарами, численностью приблизительно двести тысяч» (Ш. Марджани. Мостифад аль ахбар... Казань, 1989, с- 95). Совпадение двух последних ссылок дает основание признать их- более правильными», — заключает А. Б. Булатов.

Д. А. Хвольсон, профессор Петербургского университета, известный нам своими переводами и комментариями восточных источников, в своей работе «Известия о хозарах, буртасах, булгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омара Ибн-Даста...», изданной в 1869 г., ссылаясь на Абу-Зейд эль-Бальхи, пишет: «Башджарды разделяются па два племени: одно племя живет на самой границе Гуззия — то есть, Гузов-Куман — близ Болгар. Говорят, что оно состоит из 2000 человек, ко-

торые так хорошо защищены своими лесами, что никто не может покорить их. Они подвластны Болгарам». Здесь речь идет об одном из западных башкирских племен, вероятно, какое-то время находящихся в номинальной зависимости от Волжской Булгарии, которая сама продолжительное время платила дань Хазарскому каганату. Эту мысль ранее приводил в своей статье «Вопросы формирования башкирского народа» М. М. Кульшарипов («Агидель» 1985, № 4). Однако, если в тексте говорилось не об «одном племени», а в целом о башкирах, то несомненно Д. А. Хвольсон сделал неточный перевод, так как при переводе и комментировании арабских источников он часто ошибался. В данном случае 200 тыс. башкир, он перевел как 2000 человек. Совершенно нереально, что башкир в X в. было только 2 тыс. В жестокую средневековую эпоху такой малочисленный народ был бы истреблен или ассимилирован другими племенами. Тем самым переводчик ввел путаницу, которую некритически восприняли исследователи. Между тем известно, что еще современник Хвольсона профессор Казанского университета И. О. Готвальд в своей рецензии на его сочинения отмечал: «Даже историки, не знающие восточных языков заметили, как легко и легкомысленно относится переводчик к чтению рукописей, когда он без труда искажает текст». И далее вопрошает: «...не подрывают ли тут всякое доверие к восточным источникам?».

По расчетам известного советского демографа Б. Ц. Урланиса, произведенного им по специальной методике на основе учета образа жизни, хозяйства и занимаемой территории к

1000 году, болгар, башкир и половцев в Приуралье и Поволжье было примерно 693 тыс. человек (Рост населения в Европе (опыт исчисления) М., 1941). По свидетельству Гардизи, в X столетии болгарский народ (булгары) состоял из 50 тыс. семейств. Если исходить из того, что в каждой семье было в среднем по 6 человек, то получится — $50000 \times 6 = 300000$. Значит волжских болгар в этот период было приблизительно 300 тыс. человек. Эту цифру можно сопоставить с другими данными, чтобы убедиться в реальности ее. Так венгерский монах Юлиан, посетивший Булгарию в 1236 году, оставил сведения, что государство может выставить 500 тыс. воинов. Академик В. В. Бартольд пишет, «По размерам мечетей П. И. Березин подсчитал, что население города (Булгара — столицы Волжской Булгарии) должно было насчитывать около 50000 душ». Приведенные цифры, согласуясь между собой, убеждают нас приблизительно достоверности данных о численности болгарского населения. Следовательно, из 693 тыс. человек общего количества болгар, башкир и половцев мы выяснили - 300 тыс. человек были бургары, остальные почти по 200 тыс. половцы и башкиры.

Как известно, по соседству с башкирами и булгарами жили древние венгры. Где-то здесь в Урало-Поволжье находилась некоторое время «Магна Хунгария» — «Великая Венгрия», но где именно, в какой части этой огромной территории находилась эта страна, пока невыяснено, ученые спорят об этом. Причина ухода основной массы венгров из Приуралья во второй половине IX в. еще

неизвестны. Арабский географ IX в. Ибн-Саид сообщает: «Мадьяры при выселении из родины состояли из семи племен, имевших каждое по 30 тыс. человек вооруженных, кроме военачальников разных степеней». Следовательно, мадьяр тогда было примерно $30000 \times 7 = 210$ тыс. вооруженных. По утверждению ученых в эпоху средневековья войско кочевников могло составлять приблизительно четвертую или пятую часть народа. В этом случае значит, что венгров во время «выселения с родины» было где-то порядка одного миллиона человек. Сейчас их более 14 млн. человек. Современные историки Венгрии считают, переселение венгров с

Урала, начавшееся в середине V века, продолжалось четыре столетия и семь венгерских племен, объединившиеся в конце IX века в племенной союз под началом князя Арпада в Паннонии (территория современной Венгрии), составляли более двухсот тысяч человек.

В хронике Венгерского Анонима, написанного в XIII в. говорится, что «в 884 г. от воплощения господина, как написано в летописях, семь старейшин, которые называются хетумогер, двинулись со скифской земли к западу... вместе с великим множеством союзных народов... перешли реку Этил (Ра, Идель — Волга — У. Г.) на бурдюках по способу языческому...». Приведенный нами выше, доминиканский миссионер Юлиан, странствующий в поисках «другой Венгрии» на востоке, своим рассказом об этом в какой-то мере помогает нам понять причины ухода венгров из своей прародины, «...из которой вышло когда-то семь вождей со своими народами искать себе

место для жительства, потому что земля их не могла вместить многочисленности жителей».

Длительное проживание на смежной территории древних башкир и венгров, тем более, что часть венгров осталась на Урале и постепенно смешалась с башкирами, а небольшие группы башкир вместе с венграми покинули родину и в последующие века совместной жизни в Венгрии ассимилировались в их среде способствовали взаимовлиянию народов. Об этом свидетельствуют общие или близкие родоплеменные названия древних венгров и башкир: Дьярмат — Юрмаш, Ене — Еней, Кеси — Кесе, Билеры — Биляр, а также сотни общих слов, топонимические названия гор, рек, селений, например: Магаш, Вэрэш, Бишаул-Унгарово и сходство антропологических типов. Не зря монах Юлиан в XIII в. нашел своих соплеменников на берегу Агидели (Белой). «Те, уви

дев его и узнав, что он венгр, не мало радовались его прибытию: водили его кругом по домам и селениям. ...Они внимательно слушали, так как язык у них совершенно венгерский и они его понимали и он их. Они — язычники, не имеют никакого понятия о боге, но не почитают и идолов. Земли не возделывают; едят мясо конское, волчье и тому подобное; пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием весьма отважны в войнах. По преданиям древних они знают, что те венгры (западные — У. Г.) произошли от них, но не знали, где они». Не зря даже в середине XIX в. русские казаки, находясь в заграничном походе — в Венгрии «встречали сво-

их башкир» — венгров, так похожих, что их невозможно было отличить от настоящих башкир.

Противоречивые сведения восточных источников о мадьярах (венграх) и башкирах, подмена ими одного этнонима другим развивалась, по мнению Д. А. Хвольсона, на востоке в направлении баджгард—башгард—башкарт—башкорт; на западе начальное «б» перешло в «м», а конечное «д» основной формы было отброшено, в результате чего явилась форма баджгард — маджгар — маджар — мадьяр. Арабские авторы средневековья часто называли венгров (мадьяр) — башкирами и наоборот, башкир (баджгард) — венграми. Так арабский путешественник Абу Хамид Ал-Гарнати (1080—1169 гг.) рассказывает: «И вот прибыл я в страну Ункурийа (Венгрия), а там живет народность, которую называют башкирд — (венгры), она первая из тех, что вышли из страны тюрок и вступили в страну франков и нет им числа». Якут ал-Хамави описал встречу с башкирами «исповедующими ислам» в г. Алеппо, Они являются подданными короля Ал-Ункурийа (Венгрии.) и живут в этой стране в 30 местностях. Венгерский король не разрешает башкирам огораживать свои селения стенами из-за боязни их восстаний. Башкиры, еще поведали Якуту, что относительно языка и одежды они не отличаются от венгров «и служат с ними вместе в войске». Как видим автор рассказывает о башкирах, утративших родной язык и культуру, т.е. ассимилированных венграми.

Западными соседями башкир являлись булгары, которые впервые упоминаются в VI веке н.э. в так

называемой церковной истории Захарии Ритора (около 555 г.) среди кавказских кочевых народов—«булгар». Судя по сообщению Мар Аббаса («Начальной истории Армении», V в.), переселения кочевых булгар коренным образом отличались от стремительных вторжений гуннских племен в пределы оседлых народов. Вторжение кочевых булгар носило характер организованной колонизации, ярочных поселений. Поэтому булгары были вынуждены иначе, чем гунны, относиться к местному населению, по соседству с которым им предстояло жить, и не могли рассматривать его как объект постоянного грабежа.

Булгары, стоявшие во главе различных по этническому происхождению кочевых и оседлых племен пришли на Среднее Поволжье и нижнее течение Камы в VIII в. Некоторые западные башкирские племена, населяющие территории, граничащие с Волжской Булгарией, созданной как государственное образование на рубеже IX—X веков, находились от нее в номинальной зависимости. Булгары вели оживленную торговлю с русами, хазарами, башкирами и народами Средней Азии. Татаро-монголы разграбили и уничтожили Булгарское государство. Язык надмогильных памятников булгарского периода, обнаруженных в Среднем Поволжье и в Прикамье, как утверждают ученые, близок к современному чувашскому языку. Татарские ученые пытаются доказать свою принадлежность к булгарскому культурному наследию и это вызывает острые дискуссии. По этому поводу Р. Г. Кузев, Т. М. Гарипов, В. А. Иванов, И. Н. Моисеева в своей небольшой коллективной статье заявили: «в дав-

ней дискуссии об этнической соотнесенности современных чувашей и татар с волжскими булгарами, в которой порой замечается изрядный налет эмоциональности, сама постановка проблемы сформулирована недостаточно корректно. Также не имеют достаточных оснований, появляющиеся иногда попытки интерпретировать этногенез и этническую историю обоих народов вне прямой зависимости от волжско-булгарского этнического мира. Все тюркские народы Волго-Уральской историко-этнографической области — чувашаи, татары и башкиры — историей своего этнического формирования тесно связаны с волжско-булгарским кругом племен. Этническая дифференциация этих этносов завершилась позднее в связи с историческими событиями XIII—XVI вв.» Здесь же предпринята попытка мимоходом опровергнуть основные положения солидной монографии ученого Б. Х. Юлдашбаева «История формирования башкирской нации (дооктябрьский период)» Уфа, 1972. Авторы пишут о якобы «недостаточно аргументированных заключениях о формировании наций буржуазного типа», касаясь башкирской нации, и тут же совершенно не аргументированно заявляют, «исключение составляют татары». О каком же исключении, об исключительности какого-то народа можно вести речь, говоря об эпохе утверждения капитализма, когда, как известно, «учащаются всякие сношения между народами», тем более народами родственными по языку, культуре, между татарами и башкирами. Башкиры не являлись изолятами, и находясь географически в центре Российской империи, естественно не могли остаться в стороне «от

столбовой дороги развития общества» и несомненно были втянуты в рыночные отношения, в промышленное, капиталистическое развитие. Об этом достаточно убедительно пишет не только профессор Б. Х. Юлдашбаев, но и другие ученые (например, Д. В. Гаврилов. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма 1861 — 1900 гг. (Численность, состав, положение. М., Наука, 1985).

Следовательно, здесь налицо противоречия в отношении точного определения периода формирования башкирского народа. Кстати, в книге Р. Г. Кузеева, то есть одного из тех четырех вышеназванных авторов, «Происхождение башкирского народа», изданной в Москве в 1974 году, есть такое утверждение: «В конце XV—первой половине XVI в. этнические, территориальные, социально-экономические и политические предпосылки, необходимые для завершения башкир в народность, сомкнулись. Обострение башкиро-ногайской борьбы и добровольное присоединение большинства башкирских племен во второй половине XVI в. к России и объединение башкирского этноса в составе единого государства знаменовало собой завершение этнической консолидации башкирского народа» (с. 509). Здесь же, не подкрепляя новыми источниками, он заключает, что «марийцы, мордва, башкиры... были еще совокупности территориально-этнографических групп или племенных сообществ», период «реальной консолидации» которых и «развитие в зрелые народности феодального общества» длился до конца XIX в. Тем самым он на целых три века еще отбросил период формирования башкирской народности,

отступив от своего принципиального вывода.

М. М. Кульшарипов в 1985 г. (в № 4 журнала «Агидель», с. 114—120. На башкирском языке) опубликовал свою статью «Проблемы формирования башкирского народа», явившуюся отзывом на книгу Р. Г. Кузеева «Происхождение башкирского народа» (М.: Наука, 1974). Материалы этой рецензии ввиду языкового барьера остались неизвестными русскоязычному читателю, поэтому считаю своим приятным долгом перевести и пересказать основные моменты указанной статьи.

Отмечая сложность истории формирования любого народа, в том числе башкирского, автор продолжает, что некоторые моменты данной проблемы все еще остаются дискуссионными. В мае 1969 г. в г. Уфе прошла специальная научная сессия по этногенезу башкир, проведенная Отделением истории Академии наук СССР и Башкирским филиалом АН СССР, в которой приняли участие видные ученые страны (историки, лингвисты, археологи, этнографы, фольклористы, антропологи, искусствоведы), с разных сторон осветившие проблему. По согласованному единому мнению ученых башкиры на Южном Урале с IX—X веков являются коренными жителями. Образование башкирского народа происходит в течении нескольких веков и завершается в XIII—XIV вв.

Арабо-персидские географы традиционно делили Землю на 7 «иклимов» — «климатов», причем Уральские горы или Башкирские горы, как они их называли, постоянно изображали и относили к самым северным пределам эйкумены, т.е. башкиры, жи-

вущие на Южном Урале, находились в 7 климате. Однако автор рассматриваемой монографии, не приемлет данные средневековых источников и обвиняет их в ошибках, так он считает, что «Гардизи (XI в.) включил в свое сочинение сведения о башкирах, заимствованные у предшественников, не считаясь с тем, что к XI в. этническая карта в этом районе мира существенно изменилась». Кузеев пытается отделить башкир от Южного Урала, где они живут издревле, и по его мнению башкиры пришли и обосновались в Башкирии только в XIII—XIV вв. Он ищет прародину башкир у берегов Аральского моря. По сведениям арабо-персидских источников (Истархи, Масуди, эль-Бальхи, Бируни, Идриси, Казвини, эль-Бакуви и др.) регион Аральского моря, Сырдарьи и Амударьи относят к 5 климату, а не к 7 и в них нет сведений, говорящих о башкирах, обитающих в этой области в X—XI вв. Советский академик В. В. Бартольд исследовал историю названного региона с древнейших времен до XVII вв. в специальной работе (См.: В. В. Бартольд. Сочинения. М., 1965, т. III) и у него нет никаких материалов о «башкирах Арала». Отсюда один вывод, что побережье Арала никогда не было прародиной башкир. К сказанному М. М. Кульшариповым мы можем еще добавить, выдающийся ученый и деятель, сын чувашского народа Н. Я. Бичурин (Иакинф), находясь на дипломатической службе в Китае в середине XIX в., исследовал многочисленные китайские источники и карты древности и средневековья о расселении, численности, истории различных племен, населявших Среднюю Азию. Ре-

результаты многолетних трудов он опубликовал в 3-х томной работе «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена в трех частях с картою на трех больших листах, сочинение монаха Иакинфа, удостоенное Императорской академией наук Демидовской премии».

Часть 1-III. СПб., 1851.

Следует сказать, что исследователь, подробно изучивший источники, не обнаружил в Средней Азии ни племен, влившихся в состав формирующегося башкирского народа, ни самих «башгардов». Н. Я. Бичурин пришел к заключению, что на этой обширной территории «искони обитали те же самые народы, которые и ныне населяют сию страну: вели тот же самый образ жизни, какой ведут потомки их по происшествии 2000 лет, находились в тех же пределах, в которых последние и ныне живут, с небольшими изменениями в пространстве» (ч. 1, с. VII). По аналогии с приведенным заключением, очевидно можно сделать вывод — башкиры живут на Южном Урале и смежных территориях, о чем свидетельствуют источники археологические материалы, по меньшей мере полторы тысячи лет. И как считает, М. М. Кульшарипов, знающий источники и литературу по данной проблеме, предположение Р. Г. Кузеева о приходе башкир из Приазовья не имеет оснований. Так же нереально, если хотите, фантастично, предположение автора о циклических, сезонных перекочевках башкир зимою далеко на юг — в Среднюю Азию, а летом — на север — на Урал. Огузы, обитавшие в Средней Азии, действительно могли посезонно мигрировать с севера

на юг и обратно, о чем сообщают средневековые источники: Ал-Масуди, Ал-Идриси, Гардизи, Фубрук и др., потому что этот регион их этническая территория, заселенная многочисленными племенами тюрков, которые часто воевали из-за кочевий между собой. Отсюда следует, что башкирские племена не могли проникать вглубь Средней Азии для осуществления «маятниковой миграции».

М. М. Кульшарипов, продолжая рассматривать монографию Р. Г. Кузеева, замечает, что автор, озабоченный поисками легендарных «Башкуртских гор», «находит» их на западных отрогах Памира, недалеко от Вахшской долины, отделенный от Аральского моря тысячами километров мертвой пустыни Каракумы. Это путает его концепцию. Всячески стремясь обосновать свою теорию, он обходит достоверные источники или дает им тенденциозную интерпретацию, греша перед исторической истиной в угоду собственной идее. К тем же в своей книге «Пути степных кочевий» (Уфа, 1984).

Р. Г. Кузеев не учитывает археологические материалы, а между тем они свидетельствуют и об этнической принадлежности племен, населяющих Южный Урал в VII—XIII вв. Так археолог Н. А. Мажитов, обобщая результаты исследований материалов многолетних раскопок, пишет: «Одним из важных моментов в раннесредневековой истории Южного Урала и в раннем этногенезе башкир был приход сюда около VII в. новой группы населения из районов южно-

сибирских, казахстанских степей... В настоящее время есть полное основание считать, что кушнаренковско-кара-якуповским племенам принадлежала решающая роль в формировании древне-башкирского этноса на Южном Урале. Одним из веских археологических аргументов в пользу сказанного является то, что начавшийся в VII—XIII вв. этап в этнической истории края привел к сложению на рубеже I — II тысячелетий качественно новой культуры, которая традиционно развиваясь примыкает к культуре башкир XIX — начала XX вв. Это особенно хорошо видно в прикладном искусстве башкир. В нем этнографами выделено шесть основных орнаментальных комплексов, из которых первый, самый древний, полностью сходен с орнаментацией керамики кушнаренковской и кара-якуповской групп. В плане постановки вопроса интерес представляет полное совпадение тамг на кушнаренковских сосудах с родоплеменными тамгами башкир, детально изученных Р. Г. Кузеевым. Обращает на себя внимание и такой факт: почти во всех известных случаях на кушнаренковских сосудах повторяется один основной вид тамги в виде крестиков».

В книге «Степи Евразии в эпоху средневековья» (М.: Наука, 1981)

археолог С. А. Плетнева следующим образом характеризует развитую культуру и другие аспекты истории ранних башкир: «...мы знаем археологические культуры, принадлежавшие народам, которые в эпоху раннего и развитого средневековья переходили к классовому (феодалному) общественному устройству, хотя и не создали и не возглавили, в

отличие от хазар, кыргызов, кимаков, тюрок, монголов, крупных государственных объединений. Тем не менее их культура формировалась нередко даже активнее, чем у народов — создателей каганатов. Такова, например, аланская культура Предкавказья, развитие которой прослеживается, начиная с V в. вплоть до татаро-монголов и далее — до современности. Государство у алан сложилось только после гибели Хазарского каганата — в X в., тем не менее культура их в значительной степени легла в основу культуры этого мощного государства. Другой пример — высокоразвитые культуры прабашкир, близкие по общему уровню развития к культурам соседних государств. Как и аланы, они имели глубокие корни в древности и традиции их сохранились до наших дней. Объяснять жизнестойкость и силу культур этих народов, по-видимому, следует ранним оседанием этих кочевников и тесным слиянием их с оседлыми местными племенами. Развитие их текло по определенному руслу, и никакие катаклизмы не могли уничтожить эти вполне сложившиеся степные цивилизации. Политическое подчинение народа какому бы то ни было государству не могло существенно изменить многовековые культурные традиции».

Археолог Н. А. Мажитов в своей монографии «Южный Урал в VII—XIV вв.» посвятил одну главу проблеме «К происхождению ранних башкир», в которой на основе привлечения широкого круга источников и литературы, рассмотрел первые источники, затем антропологический, этнографический, лингвистический и ар-

хеологические аспекты проблемы. Ученый отмечает: «Археологи проявили почти полное единодушие в том, что памятники Южного Урала VII—IX вв. оставлены ближайшими предками тех башкир, которые стали известны по самым ранним письменным источникам. В таком плане, например, высказывались Р. Б. Ахмеров, К. В. Сальников в отношении этнической принадлежности уфимских погребений. Директор Башкирского Краеведческого музея Р. Б. Ахмеров является автором первой работы, где рассматривается археологический аспект вопроса этногенеза башкир. Развивая вышеприведенное мнение, он высказал предложение об участии в процессе этногенеза башкир местных кочевых сармат-аланских и оседлых финно-угорских племен. (См. Ахмеров Р. Б. Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным. — С. Э., 1952, № 3).

Археологами постоянно подчеркивалось, пишет Н. А. Мажитов, что во все века раннесредневековой истории население Южного Урала в этнокультурном отношении было чрезвычайно пестрым, что предопределило сложный этнический состав башкирского народа.

Ученый, отвечая на узловый вопрос — об отношении различных племен Южного Урала VII—X вв. к башкирам, подчеркнул: «Эти племена полностью вошли в состав башкир, известных уже по письменным источникам. Именно в таком контексте по отношению к ним употреблялось название ранние башкиры. Как известно, впоследствии к сходному же мнению пришел В. Ф. Генинг». ...В итоге, Н. А. Мажитов подтверждает

правомерность выводов М. С. Акимовой о большой роли бахмутинцев в происхождении северной группы башкир.

Существовавший на Южном Урале примерно с VII—IX вв. древнебашкирский этнос как историческое явление не был неизменным, а постоянно развивался, приобретая на каждом из этапов новые черты.

Р. Г. Кузееву вслед за С. И. Руденко удалось довольно полно восстановить, опираясь на изучение данных этнонимии, родоплеменные тамги и других этнографических материалов, родоплеменной состав башкир в XVII—XIX вв., а также описать общую картину этногенеза и расселение родоплеменного состава башкирского народа предшествующих веков.

П. И. Рычков в XVIII в. произвел относительно полную «опись» племен, вошедших в древности и средневековье в состав формирующейся башкирской народности. Всего племенных единиц разной степени, составивших этническую общность башкир, Рычков насчитал 34. Они состояли из 133 тюб или аймаков. Этнографом Р. Г. Кузеевым составлена таблица родоплеменного состава башкир, охватывающая в прошлом 29 племен и 103 рода. В общем и целом число племен, объединившихся в общешкирской этнической массе, достигает порядка четырех-четырех с половиной десятков — считает Б. Х. Юлдашбаев.

Наиболее древние этнические образования, вошедшие в состав складывающейся башкирской народности, состояли из целого ряда самостоятельных племенных групп: бурзян, усерген, тангаур, тамьян, юр-

маты, мин, катый, позже влились табынцы, кыпчаки и другие.

Указанные племена башкирами становились в результате прихода в страну башкир, но сохранив при этом свое племенное название — предполагает Н. А. Мажитов. Примеры из истории кочевых народов показывают, что в ходе переселения названия племен менялись довольно часто. Например, гуннские племена нередко меняли свои названия, принимая названия более сильных объединений. Следовательно, вполне возможно, что уже в IX—X вв. когда согласно Р. Г. Кузееву начали проникать на Южный Урал отдельные родоплеменные группы, этноним башкорт уже в определенной степени приобрел не только этническое, но и территориальное значение.

Известный «Словарь тюркских наречий» Махмуда ал-Кашгари, впервые опубликованный по единственно известной рукописи в 1914—1915 гг. в Стамбуле, дает подробные сведения о тюркских народах, местах их расселения, их языках, однако эти сведения, по-видимому, не всегда надежны. В порядке с запада на восток, как говорит сам автор, существовало 20 тюркских народов. Десять народов северной группы составляли: «печенеги, кипчаки, огузы, йемеки, башгурты, басмылы, кай, ябаку, татары и киргизы». Географическая последовательность перечисления как всей «северной группы» тюрков, так и в особенности башкир, указанных далеко на востоке за огузами и йемеками, а не западнее их «не может быть верна». «Совершенно ясно», — утверждает советский академик В.В. Бартольд, что башгурты (башкиры) никогда не могли жить так далеко на востоке». «Башгурты или башкиры, всегда жили гораздо западнее Иртыша (чем их показывает Махмуд

Кашгарский — У. Г.); Ибн-Фадлан еще в начале X в. проезжал через их страну на пути в страну болгар (волжских); следовательно, башкиры жили приблизительно там же, где живут теперь». (См. Академик В. В. Бартольд. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Сочинения в X т., т. V, М., Наука, 1968, с. 206, 586).

Приятно отметить, что дата составления труда ал-Кашгари — 1077 г. была установлена выдающимся тюркологом, известным во всем мире востоковедом, профессором Стамбульского университета Ахмед Заки Валиди (1880—1970 гг.). Валидова можно назвать «отцом башкирской государственности», так как он является одним из главных основателей Башкирской республики, в 1918—1920 гг. многократно беседовавший с В. И. Лениным и И. В. Сталиным. Был, вынужден эмигрировать в Турцию, где создал труды по истории и филологии тюркских народов. Одна из его книг переведена недавно А. М. Юлдашбаевым. Книга «Хатерелар» («Воспоминания») публикуется в 1991 г. на страницах журнала «Агидель».

Итак, Махмуд Кашгарский составил «Словарь...» в 1077 г. более чем 150 лет спустя после прибытия в стране башкир Ахмеда Ибн-Фадлана и написания сочинений Ибн-Русте в 913 г., Ибн-Дасте в 943 г., описавших башкир на Южном Урале. Поэтому мы поддерживаем точку зрения академика В. В. Бартольда, «что башгурты никогда не могли жить так далеко на востоке» и не согласны с мнением профессора Р. Г. Кузеева, который считает, что IX—X вв. время «обретения новой родины» башкирскими племенами и что формирование башкирской народности происходило

на «ограниченной площади» — пятчке — Бугульминской возвышенности. Сведения письменных источников Ибн-Русте, Ал-Балхи, ал-Истархи, Гардизи и др. он объявляет «не соответствующими исторической действительности» (См. «Происхождение башкирского народа», с. 435—439) Следуя такому примеру, В. А. Иванов объявляет, что «страну ал-Башгирд» нужно «рассматривать как своеобразный литературный образ, введенный Ибн - Фадланом».

Современник ал-Кашгари, великий среднеазиатский ученый, географ, историк, этнограф Абу-Рейхан-Мухаммед ибн-Ахмед аль-Бируни (972—1048 гг.) в своей «Китаб ат-тафхим» характеризует «седьмой климат» как область, населенную различными рядами тюрок. Область, занимаемая седьмым климатом, по словам аль-Бируни, проходит через горы Башхарт, через пределы печенегов, города Сувар и Булгар (См.: Заходер Б. Н. «Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв.» М., 1962, с. 95).

Еще в IX в. Ибн-Саид, а позже другие восточные писатели: Якут Казвини, ат-Димашки в XIII—XIV вв. писали о горном хребте «Башхарт», находящемся в седьмом климате, под которым они, очевидно, разумели Урал — отмечал Д. А. Хвольсон. Это, значит, что Южный Урал, являясь этнической территорией башкир еще с периода раннего средневековья, был широко известен под одноименным названием для гор, страны и народа «Башкорт». Однако Р. Г. Кузеев, оспаривая сведения названных источников, как заметил М. М. Кульшарипов, которые регион Аральского моря, Сырдарьи и Амударьи относят к «пятому климату», а не к седьмому, «находит там не существующие «Башкуртские горы».

Идриси в XII в. сообщает более, обстоятельные сведения о башкирах, размещенных по левую сторону Волги, по берегам Белой и верхнем течении Камы. Указанный автор делит башкир на внутренних и внешних. Во внутренней Башкирии, расположенной в обширных степях по левобережью Волги, к северу от Каспийского моря, по словам Идриси, имеются города Каракья (в районе впадения р. Белой в Каму), Минджан. В среднем течении Камы он размещает Внешнюю Башкирию и указывает там, на берегу Камы, два башкирских города — Мазира и Казира (см. А. Б. Булатов. Указан, соч., с. 323, 324). Город Башгорд значится на карте братьев Пицигани (1367 г.). К востоку от этого города сделана надпись — «пасхарт:» (башкиры). На существование города Бурджан в низовьях Волги указывает Якут аль Хамави (XIII в.).

В своем описании страны башкир Идриси сообщает, что город Карукия в стране башкир постоянно подвергается нападениям болгар, которые живут от них в 16 днях езды и все время вступают с ними (башкирами — Г. У.) войну. От Карукии до границ внешней Башкирии добираться 10 дней через крутые горы, по узким трудным дорогам».

«Упомянутые на карте Идриси три города в стране башкир (Карукия, Масра, Касра), пока трудно отождествлять с конкретными археологическими памятниками, — пишет Н. А. Мажитов. Но наличие в Западном Приуралье большого количества крупных городищ и поселений рубежа 1-го и 2-го тыс. придает сведениям Идриси правдоподобный характер». (Н. А. Мажитов. Историческая Башкирия по данным письменных источников и археологии. В сб.:

Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988, с. 96).

Эти утверждения тем более правомерны, как и многие древнебулгарские города, стерты с лица земли войнами и временем, остались в исторических источниках и картах, так и древнебашкирские города, названные выше, несомненно существовали и археологи когда-нибудь найдут их развалины. Казанский филолог Ф. Гарипова в своих статьях под рубрикой «Древние города Болгарии» («Казан, утлары», 1988, № 1—8), описывая древние города низовья Камы, отмечает, что места, где они находились, теперь распаханы под пашни. По мнению исследователя Р. Г. Исламшина, автора повести-эссе «От Иртыша до Камы» (данное произведение пока не опубликовано), все эти нижнекамские города, судя по географическому местоположению и некоторым сведениям источников, являлись городами исторической Башкирии.

Н. А. Мажитов в своей книге «Археология Башкирии. Краткие исторические очерки» (Уфа, 1968, на башкирском языке) одним из первых среди археологов поднял вопрос о древних башкирских городах, где отметил: «Плано Карпини пишет об отсутствии городов в Башкирии. Это же повторяют Гильом де Рубрук и другие авторы. Следует сказать, что ни один из этих путешественников в стране баякир не были и писали о них лишь понаслышке от других». Так Рубрук, например, признается, — «То, что я сказал о земле Паскатири (башкир — У. Г.), я знаю через братьев проповедников, которые ходили туда до прибытия Татар». Но Р. Г. Кузеев, «не замечает» подобных откровений Рубрука и ссылаясь на него, пишет, что башкиры — «пастухи,

не имеющие никакого города». Между тем, продолжает, Н. А. Мажитов, «данные письменные документы нельзя рассматривать как объективные. Однако, несмотря на это, исследователи, занимающиеся древней историей башкир до этого (и после этого — У. Г.) о древних башкирах, писали как о кочевниках, не имеющих ни сел, ни городов».

В специальной главе «Древние города Башкирии» наш неутомимый археолог рассказывает о многих раскопанных городищах, поселениях эпохи средневековья, отдельно рассматривает древнее уфимское городище, существовавшего до основания современной Уфы в 1574 г.

Известно, что карта знаменитого арабо-сицилийского картографа ал-Идриси, составленная в 1154 г., была расшифрована казахскими учеными Б. Е. Кумековым и Б. А. Рыбаковым. На этой карте показан «большой район расселения башкир, близкий к тому, что мы видим и ныне». В 1840 г. в Париже А. Ковер издал книгу «География ал-Идриси», которую использовал в одной из своих публикаций Н. А. Мажитов. Идриси, описывая страну башкир, сообщает о малочисленности деревень («населенные пункты сильно удалены друг от друга»), о существовании небольших городов, образе жизни и разделении башкир на две группы — внешних и внутренних. Из сказанного нетрудно догадаться, что именно башкиры по рекам Белая, Уфа, Ай арабам были известны как «внутренние» — пишет Мажитов, комментируя описание. «Внешними» были бы тогда, скорее всего, западные или степные башкиры, ближайšie к Волге и болгарам, те, которых видел Ибн-Фадлан. Но арабов, судя по их картам, описаниям, интересова

ли внутренние башкиры, более сильные и богатые. Очевидно, арабские купцы проникали глубоко внутрь страны и знали ее хорошо вплоть до истоков р. Ай и гор Айани (прилегающей части Уральских гор). Об этом говорит точность карты Идриси, точные указания расстояний к «внутренним» башкирам, сведения об их образе жизни, культуре, верованиях и населенных пунктах. Вероятно арабы торговали с башкирами, а по рекам Ай и Уфе проникали на Урал

Поэтому Абу Исхак ал-Истархи сообщает: «От башжырды до Булгар 25 дней пути. От печенегов — десять дней». Б. А. Рыбаков, анализируя труды арабских географов IX—XII вв. о народах Восточной Европы, пришел к заключению, что у них средние скорости пути движения в день составляли: вверх по рекам 25 км, вниз 75 км, по степи 35 км. Исходя из этих расчетов, можно рассчитать, например, что Ахмед Ибн-Фадлан с караваном прошел по югу башкирской (оренбургской) степи где-то в конце апреля 922 г и добрался до булгар 11 или 12 мая. Действительно, «при таком исчислении расстояние от города Булгар до башкир «внутренних» в 25 дней следует понимать по речному, более безопасному и удобному в то время для купцов, маршруту.

Находясь в тесном окружении таких грозных соседей, как булгары, гузы, кыпчаки, свою территориальную и этническую самостоятельность на протяжении веков башкиры могли сохранить, будучи достаточно многочисленной и организованной силой.

Н. В. Бикбулатов на основе обобщения сведений арабских географов пришел к заключению: «В X в. башкиры представляли довольно многочисленную формирующуюся древнюю

народность, расселенную на Южном Урале и прилегающих к нему с юга и запада степных просторах, с общим самоназванием, с самостоятельным языком, своеобразным культурно-бытовым укладом и системой религиозных верований».

В другой своей статье «Об изучении проблемы происхождения и этнической истории башкирского народа» Н. В. Бикбулатов, рассмотрев историю и современное состояние изучения вопроса происхождения коренного народа Башкирии, обратил внимание на историю возникновения самоназвания (этнонима) народа башкорт: «Остается загадкой история возникновения этнонима башкорт. Вопрос намного сложнее, чем общеприемлемая этимологизация этого слова. Само название народа является выражением этнического самосознания, его фиксацией на определенной стадии консолидации этноса, чего не учитывают часто исследователи. Не вдаваясь в детали рассмотрения вопроса, что не входит в задачи данной статьи, отметим лишь одно обстоятельство: и Ибн-Фадлан и Ибн-Русте пишут о башкирах не как о каком-либо племени, а как об этнической общности таксономически более высокого порядка. ... В связи с этим обретает научную, актуальность вопрос: когда и на какой территории, в силу каких исторических обстоятельств, преодолевая родоплеменной сепаратизм, утвердился этноним башкорт? Каковы были те факторы, которые понудили людей родов и племен перешагнуть разделявшие их трайбалистские барьеры и назваться общим именем — башкиры? Не является ли все это отражением существования до IX—X вв. какого-то военно-политического объединения, притом не эпизодического,

инного, что могли привести к объединению и консолидации целого ряда этнически родственных племен и родов. Эти и другие обстоятельства еще и еще раз требуют вести поиски новых исторических, в первую очередь письменных, источников».

Через пять лет в сборнике «Башкирская этнонимия» (Уфа, 1987) Н. В. Бикбулатов поместил статью «Этноним башкорт», в которой провел обзор существующих толкований этнонима «башкорт» и снова вернулся к разгадке истории возникновения самоназвания народа башкорт: «Во всяком случае, возникновению, а затем и утверждению этнонима «башкорт», как нам представляется, дали толчок события несколько иного порядка, чем происходившие до этого этно-культурные процессы, а именно возникновение у древних башкир военно-политического объединения».

Ряд средневековых авторов рисуют башкир первой половины IX-начала X в. как организованную военную силу (Масуди, Ибн-Фадлан и др.), часто довольно грозную, опасную. В свете этих данных наше предположение о наличии военно-политической организации у башкир не противоречит историческим сведениям. Что касается этнонима «башкорт», то по всей вероятности, первоначально это было имя предводителя военно-политического объединения башкир и только затем перешло к самому объединению, которое стало ядром формирующегося народа.

Память о том, что у них был предводитель, от имени которого пошло название народа, была жива среди башкир еще в XVIII в. и зафиксирована В. Н. Татищевым. «Они же сами, — т.е. башкурты, — сие имя производят от начального их мурзы

Башкир, Главный волк». (Татищев В. Н. История Российская. Л., 1968, т. 7, с. 402). В последующие времена это предание исчезло, видимо, оно переродилось в мифологическую легенду о волке-путеводителе или слилось с уже существовавшими преданиями.

Имеющиеся письменные источники, на наш взгляд, позволяют с немалой долей достоверности установить личность того исторического персонажа, имя которого стало названием башкирского народа. Необходимо оговориться, что такая попытка была предпринята более ста лет назад. В 1870 г. один неизвестный автор полагал, что этноним «башкир» происходит «от имени половецкого хана Башкурта, который был тестем Святослава Владимировича». Приводя эту цитату, В. М. Филоненко со ссылкой на Воскрес, летоп. П, 48 писал: «Действительно, башкурд, Башкорд или Башкард был половецкий князь 12 в. В 1151 г. в сражении князя Юрия Долгорукого с князем Изяславом Мстиславичем при р. Рут был убит князь Владимир Завадович Черниговский, жена его бежала к половецам и вышла замуж за их хана Башкорда». Однако этой версии В. М. Филоненко не придавал большого значения, видимо, считая маловероятной связь между именем половецкого вельможи XII в. и названием башкир, получившим известность 2—3 столетия раньше на территории, весьма отдаленной от места описываемых событий. Впрочем, и сообщение В. Ц. Татищева о начальном мурзе Башкир — Башкурт прошло незамеченным.

На наш взгляд наибольшего внимания заслуживает в плане нашей темы сообщение Гардизи о военачальнике Башгирде, которому тоже ис-

следователи не придавали должного значения. «Башгирд был из высших чинов хазар, — читаем мы у него. — Он расположился между хазарами и кимаками с 2000 всадников. Хазарский хакан послал Башгирду человека с предложением вытеснить саклаба». ...Б. Н. Заходер пишет, что у Гардизи (XI в.) использованы источники начала X в. (Ибн-Русте, Ибн-Фадлан) и более ранние. В свете сказанного, можно предположить, что упомянутый в источниках, предводитель 2000 всадников и был той реальной личностью, от имени которого берет начало этноним «башкорт». Так этнограф-башкировед Н. В. Бикбулатов выдвинул предположение, что самоназвание башкир «башкорт» произошло от личного имени, но могло быть и наоборот.

Наречения людей названиями племен и народов было, широко распространенным в древности и средневековье, явлением. А. И. Харисов в книге «Литературное наследие башкирского народа» (Уфа, 1973) приводит лишь несколько примеров, как отдельные представители формирующейся башкирской народности, в эпоху средневековья заброшенные судьбой в арабские страны, благодаря способностям и стремлениям, становились известными деятелями. Среди мамлюков, составлявших гвардию государей Египта были и башкиры. Мамлюки в 1250 г. свергли правящую династию Эйюбидов и, захватив власть в свои руки, отбросили полчища татаро-монгол, дошедших до Сирии, удержали под властью Египта Палестину и Сирию. Первым мамлюкским султаном стал Бейбарс, выходец из кыпчакского рода.

Мурат Рамзи в книге «Талфик аль-ахбар...», написанной на арабском языке, дал некоторые сведения о

двух башкирах из правящей верхушки мамлюков. Один из них — Гильметдин Санджар аль-Башкорди, который в 80—90 гг. XIII в. был эмиром в Египте; второй — поэт Насретдин ан-Насри. ...Продвигаясь по службе, он достиг власти, был одним из умных и почитаемых эмиров. Писал и стихами, и прозой...

В рукописи, хранящейся в научной библиотеке Стамбульского университета, подтверждается, что Гильметдин Санжар аль-Башкорди и Насретдин ан-Насри не легендарные личности, а исторически реальные и достоверные. Кроме того в рукописи названы еще несколько высокопоставленных лиц из башкир... По свидетельству старинных документов «в Иране на службе послов были великие и почитаемые эмиры из башкир. Из них башкирский генерал по имени Газаихан упоминается третьим великим эмиром. Известно имя и другого башкирского генерала времен хана Олжайту — это Сыракан Башкорд»

Оживленное развитие феодальных отношений и усиление экономических связей привели в Башкирию мусульманскую религию, а вместе с ней восточную культуру и арабскую письменность и литературу.

В Башкирию ислам начал проникать в X—XII вв. В его распространении большую роль сыграли арабские, среднеазиатские и болгарские миссионеры и купцы. Но наиболее активное распространение ислам получил при золотоордынском хане Узбеке (1312—1342 гг.), который насаждал его среди языческих племен не только путем проповеди, но и силой оружия. Появляются активные проповедники ислама и из числа башкир. Болгарский историк Хисамутдин бине-Шарафутдин Муслими упомина-

ет о пребывании в Бургарии двадцати одного башкирского представителя (из них 19 названы по именам) из долин Ая (Айыткол Зеид улы, Котлобай Деулетбай улы), Агидели. Дима, Караидели, которые «усвоили там исламское учение и, по возвращении на родину, обратили в мусульман своих сородичей», (Н. Я. Березин. Волжские болгары. Казань., 1853, с. 81).

Башкиры, как известно, создали богатейшие памятники устного народного творчества, включающие в себя исторические предания и легенды и связанные с ними шежере — «генеалогические летописи» родов и племен, эпические сказания — народный эпос — это кубаиры, героические поэмы и сказания; а также сказки и песни. В памятниках устного народного творчества получил свое образное отражение сложный, многовековой исторический процесс формирования башкирского народа. Более того, башкирский эпос, легенды, предания, шежере, сказки, песни это квинтэссенция развития истории, культуры, языка., это историческая память, мудрость народа.

Р. Г. Кузеев, исследуя башкирские родословные летописи, установил широкий характер использования в них народных преданий, легенд и применил часть из них в качестве источника для своеобразного объяснения историко-этнических процессов. На основе сравнительного анализа различных сведений, содержащихся в башкирских шежере, с данными других письменных источников Г. Б. Хусаинов сделал важные выводы не только о древности описанных легендарных сюжетов, но и о наличии давних письменных традиций составления шежере как историко-генеалогических рассказов. (Хусаинов Г. Б. Шежере и книга. Литература. Фольк-

лор. Литературное наследие. Кн. 1. Уфа: БГУ, 1975, с. 177-192 (на башкирском языке)).

Древние башкиры, являясь составной частью огромного тюркского этнополитического мира, с принятием ислама, в той или иной мере восприняли «тюрки» — общий письменно-литературный язык тюркских народов, составленный на основе арабской графики. На языке «тюрки» созданы выдающиеся произведения: «Диуану

логэтут торк» — «Словарь тюркских народов» Махмуда ал-Кашгари (1074 г.), «Кутадгу билиг» — «Благодатное знание» Юсуфа Баласагунского (1070 г.), «Огузнаме» (XIII в.) и другие. До принятия мусульманской религии древние тюркские народы с VI по XII вв., а по последним данным археологов с середины I тыс. до н.э. пользовались Орхоно-Енисейской рунической письменностью, распространившейся на огромных пространствах Евразийского материка от берегов Байкала, Енисея и Центральной Азии до Венгрии и Бургарии. Найдено около 250 различных памятников с рунической письменностью. В Бургарии, куда входили некоторые башкирские племена, до принятия арабского алфавита несколько веков пользовались рунической письменностью, об этом свидетельствуют надписи на сосудах, обнаруженных археологами. Одной из последних находок, является надмогильный камень, найденный возле деревни Старый Калмаш Чекмагушовского района Башкирии. На камне в XIV в. арабский текст выбит поверх древних знаков. По мнению знатоков этот камень имеет сходство с каменной стеллой, воздвигнутой в период второго Тюркского (западнотюркского) каганата в честь основателя династии Илтерес кагана (умер в 691 г.) и по праву считается созданным

в духе традиции древне-тюркских памятников.

Загадки тюркских рунических знаков разгадал в 1893 г. датский ученый В. Томсен: он объяснил соответствие отдельных знаков древнетюркским буквам-знакам. Опираясь на это открытие, академик В. В. Радлов прочел, перевел тексты и написал первые очерки по грамматике древнетюркского языка. Среди сотен работ по изучению истории происхождения тюркских языков новым этапом явились книги С. Е. Малова (1880—1957).

Ученые Ж. Г. Кейекбаев, Т. Г. Баишев, Н. Х. Максютова, Н. Х. Ишбулатов, затем Э. М. Азнабаев, В. Ш. Псянчик, М. А. Ахметов, Ф. Г. Хисаметдинова, С. А. Галии в результате исследований современного башкирского языка выявили различные связи и влияние на него древнетюркских письменных памятников. Профессор Г. Б. Хусаинов в своей монографии «Быуаттар тауышы» — «Голос веков». Очерки по истории, теории и исторической поэтике башкирской литературы (на башкирском языке) подробно рассматривает историю башкирской литературы XI — XVIII веков, освещает творчество известных сэсэнов, уделяя большое внимание литературным связям и истокам башкирской литературы, исследует историю культуры народа. Значительным событием явилось издание 1-го тома «Истории башкирской литературы. Средневековый период» (Уфа, 1990), подготовленного Институтом истории, языка и литературы БНЦ УО АН СССР. Более половины статей написаны Г. Б. Хусаиновым, являющимся главным редактором всего 6-томного издания. В составе авторов книги такие ученые как М.Х. Изелбаев, Р. З. Шакуров, З. Я. Шарипова, Э. Х. Вилданов и А. И. Харисов. В статье «Древнетюркские ли-

тературные памятники» охарактеризованы орхоно-енисейские письмены и другие общетюркские литературные произведения VII—XII вв., как ранние истоки и поэтические традиции и для возникновения башкирской литературы. В книге собран и систематизирован огромный материал по рукописному наследию башкир, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Это будет особенно полезно читать некоторым деятелям, любящих рассуждать о башкирах, якобы «в прошлом отсталых и не имеющих культуры и письменности».

Язык самых первых памятников древней тюркской литературы, как установили советские тюркологи, влиял на формирование огузо-кыпчакского общетюркского литературного языка «тюрки», а башкирский разговорный язык, — по мнению Н. А. Баскакова, — образовался в результате взаимодействия болгарских и кыпчакских племенных языков и дальнейшее развитие получил в составе народов Золотой Орды. «Литературный язык Золотой Орды, — пишет тюрколог Э. Н. Наджип, — был общим для ряда племен, населявших огромную территорию. Эти племена впоследствии участвовали в формировании наций казахов, башкир, татар. Поэтому есть основание литературные памятники этого периода, созданные на данной территории, считать общим достоянием, общим наследием этих народов». (Хорезми. Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджипа. М., 1961, с. 19).

На языке «тюрки» писали и переписывали древние башкиры свои шежере и важные документы и рукописи. На этом языке написаны воззвания, боевые приказы, письма Батыр-

ши Алиева, легендарного национального героя и поэта Салавата Юлаева, депутата Уложенной комиссии, фельдмаршала «крестьянского императора» Базаргула Юнаева, идеолога Крестьянской войны 1773—1775 гг. Кинзи Арсланова и других.

Такое явление, когда один письменнo-литературный язык служит одновременно двум и более народам, когда одни и те же письменные памятники составляют богатство нескольких народов, часто встречается в истории культуры. Поэтому следует решительно отказаться от нигилистическо-догматического отрицания наличия у дореволюционных башкир письменности и письменнo-литературного языка.

Консолидация башкирской народности отражена в эпических сказаниях «Урал-батыр», «Акбузат», «Конгур-буга», которые являются наиболее древними. Подобные сюжеты не встречаются в фольклоре других угро-финских и тюркских народов, а фольклор является неписанной историей народа, передаваемой изустно из поколения в поколение и сохранившейся в его памяти. Персонажи «Урал-батыр» — мифические богатыри, полубоги, злые силы природы. Родители Урал-батыра (Янбирде и Янбика) не ведают смерти. Они не знают своих родителей и выступают зачинателями человеческого или башкирского рода. Сказание локализуется на всем Южном Урале, в бассейнах рек Агидели, Яика, Сакмары, Нугуша, в пределах озера Шульган и известной пещеры Шульган-Таш (Каповая), которая находится в нынешнем Бурзянском районе Башкирской ССР. Потомки Урал-батыра расселяются на этих территориях, о конкрет-

ных башкирских родах, племенах в сказании не упоминается.

Анализ сказания «Урал-батыр» свидетельствует о генетических связях истоков культуры башкир с культурой древних тюрков, отраженной в рунических письменах. Пока что необъясненным феноменом культуры остается сходство отдельных мотивов и сюжетов эпического сказания шумеро-аккадского происхождения о Гильгамеше («О все видевшем») с башкирским сказанием «Урал-батыр» пишет профессор Д. Ж. Валеев в своей монографии «Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее» (Уфа, 1989, с. 43, 45).

Сказание «Акбузат» локализуется на той же территории, что и «Урал-батыр», и является его логическим продолжением, повествуя о потомках Урал-батыра. В сказании «Бабсак и Кусяк», относящемся к IX—XI вв., сообщается о крупном союзе 12 башкирских племен, костяк которого составляли племена бурзян, усерган, тамьян, тангаур. Предводителем всего объединения является выходец из бурзянского племени Мясем-хан.

Башкирский эпос, в отличие от исторических, этногенетических легенд и преданий, не дает каких-либо сведений о приходе башкир на Урал с других территорий. В нем, наоборот, утверждается, что башкиры с древнейших времен являются коренными жителями Урала. Так, сказание «Конгур-буга» повествует: «На южных

башкир напали враги. На помощь им от северных башкир во главе войска прибыл Минэй-батыр». И вот союзники, южные и северные башкиры, сражаются с врагами, «напавшими на страну, хунскими тюрками». Про-

явив мужество в битве с завоевателями «хунскими тюрками», башкиры побеждают врагов. Потом Минэй и выданная за него красавица Тандыса «пошли по низовьям и сыртам Урала на север, на родину батыра».

По древним источникам известно, что «великое переселение» гуннов (хунну) начинается из Центральной Азии в I в. н. э. Во II веке хунны и гунны прошли территории, названные академиком Н. И. Конрадом «великими воротами народов — равнинным проходом между северным побережьем Каспия и южными отрогами Урала», где простиралась кочевья южных протобашкир. Поэтому можно считать, что в башкирском эпосе «Конгур-буга» память народа сохранила действительные события истории — столкновения древних башкир с племенами тюркоязычных гуннов. Это дает основание полагать о нахождении протобашкир в Южно-Уральских степях еще во II веке.

Исторической памятью-исповедью народа является сказание в стихах «Узак-Тузак — последний из рода балабашняков», в которой отражены реальные события тысячелетней давности, причем в сказании сохранилось и древнее название печенегов — «башняков», известных в средневековых источниках как «баджнак». Так Аль-Масуди (первая половина X в.) рассказывает, что подле Хазар и Аллан живут четыре тюркских племени; Баджна (кипчаки-половцы), Баджгурд (башкиры), Баджнак (печенеги), и Наукарда (черные клобуки — русских летописей, предки каракалпаков), Печенеги (башняки), родственные огузским и куманским племенам, известны по письменным источникам со второй половины I тыс. Печенежские племена рассеялись

на огромных просторах Евразии от Алтая до Балкан. Участвуя в формировании ряда тюркоязычных, славянских народов, венгров, они в XI—XIII вв. переправившись из Балкан в Малую Азию, составив основу формирования турков, сошли с исторической арены.

В сказании говорится о небольшой части печенегов (малые печенеги — балабашнэктэр), кочевавших у реки Калки и в Приазовье, но после поражения в борьбе с пришедшими с востока жестокими чужеземными захватчиками — балаусанами (кипчаками-половцами), вынужденными бежать на Урал, где они влились в состав складывающейся башкирской народности.

Башкиры впервые столкнулись с татаро-монголами в 1223 г., когда последние, разгромив в ожесточенном трехдневном сражении объединенное русско-половецкое войско на реке Калке, осенью того же года обрушились на территорию болгар и башкир. Шигабутдин аль Марджани пишет, что в конце 1223 г., узнав заранее о намерении татар напасть на Булгарское государство, болгары, а вместе с ними и башкиры усилили сторожевые посты, устроили засады. Затем пропустив врагов на свою территорию они окружили татар и перебили их в бою. Небольшая часть их спаслась бегством и вернулась в г. Талкан, где находилась ставка Чингиз-хана (1154—1227 гг.).

По сообщению русских летописей в 1229 г. болгары, и находившиеся в рядах их войска башкиры, снова нанесли поражение «татарам заставив бежать». (ПСРЛ, т. 1. М., 1962, с. 453). Вероятно, об этом периоде жизни башкир Юлиан свидетельствует «...Но те же татары, столкнув-

шись ними (башкирами — У. Г.) не могли победить их на войне, наоборот в первой битве были побеждены ими. Поэтому избрали их себе в друзья и союзники, и таким образом, соединившись вместе, они совершенно опустошили 15 царств».

В «Сборнике летописей» крупного историка Рашид-ад-Дина (1247—1318 гг.) неоднократно упоминается Башкирия в связи с завоевательными войнами татаро-монголов. Так в главе «Из истории Угетай-каан» автор сообщает: «Бату с Шейбаном, Буралдаем и с войском выступил в поход против болгар и башкирдов. Болгар и Башкирд являются большой страной и (представляют собою) места недоступные. Несмотря на то, что (монголы) тогда завоевали ее, (жители ее) снова восстали и она до сих пор не вполне покорена». Татаро-монголы в 1236 г. подчинили себе болгар, кыпчаков, буртасов и мордву. После этого они завоевали Башкирию. Об этом Абуль-Гази говорит следующее: «Бату-хан после покорения болгар победил и башкирдов». Исходя из этого лаконичного известия В. И. Филоненко предполагает, что башкиры до покорения своего татаро-монголами были, вероятно, подвластны номинально волжским болгарам, фактически же оставались народом довольно сильным, значительным, раз они оказывали сопротивление завоевателям. Башкиры утратили свою независимость и волей-неволей должны были теперь участвовать в судьбах Батыревых сподвижников и их потомков.

Венгерский монах Юлиан, побывавший в нашем крае в эти годы отмечал, что башкиры оказали героическое сопротивление завоевателям на

протяжении 14 лет. Мужественная борьба народа, выгодное географическое положение, особенно в ее горно-лесной части, где издавна добывали металлы, изготовляли оружие и вероятно, имелись населенные пункты способствовали превращению Башкирии в очаг длительного сопротивления завоевателям и потому она стала убежищем, куда бежали различные племена, спасаясь от гибели. Например, Абуль-Гази в сочинении «Родословная туркмен» сообщает: «Джучи-хан (сын Чингиз-хана и отец Батыя — У. Г.) победил и перебил (всех), попавших (ему) в руки, кыпчаков; те из них, которые спаслись бегством, ушли к иштякам (т.е. к башкирам — У. Г.). Большая часть иштяков теперь являются потомками тех кыпчаков». Племена тюркоязычных кыпчаков оказывали влияние на формирование башкирского этноса и башкирского языка примерно с середины первого тысячелетия. Этнограф Р.Г. Кузеев выделяет четыре этапа этнической истории: 1. VII—VIII вв. кимако-кыпчакское влияние; 2. IX—X вв. возрастающее кыпчакское влияние, распространившееся в определенной степени и на приуральско-волжскую периферию степного мира; 3. XI-начало XIII вв. усиление кыпчакской интеграции и 4. XIII—XV вв. кульминационный этап в формировании башкирской народности на основе превращения кыпчакского в узловой компонент этноса (Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 480).

Завоеванная татаро-монголами Башкирия, вошла в состав государства Золотая Орда, образованного после возвращения войск Бату-хана из похода в страны Европы на огромной

территории, включающей и Урало-Поволжье. Завоеватели обложили тяжелой данью башкир. По сведениям Рубрука, татаро-монгольские феодалы в виде дани (ясака) получали пушнину. Башкирия, где важной отраслью в хозяйстве коренного народа кроме скотоводства, бортничества и рыболовства является охотничий промысел, оказалась одним из главных поставщиков дорогих мехов, которые были ходовым товаром на рынках Золотой Орды. Башкиры поставляли соколов и кречетов для ханской охоты. Существовали множества различных поборов, ложившихся тяжелым бременем на плечи башкирского населения. Так, по словам Абул-Гази золотоордынский хан «каждый год, с подвластного ему народа, берет десятину из четырех пород скота; коней, верблюдов, коров и овец». Особенно тяжелой была военная повинность, когда башкиры должны были для участия в военных походах золотоордынских феодалов поставлять в их войско вооруженных людей с годовым запасом продовольствия.

В период татаро-монгольского нашествия многие города, селения Казахстана, Башкирии, Булгарии, Руси были разрушены. Но после завершения похода в Европу Бату-хан особое внимание обратил на возрождение городской жизни и торговли, в чем он видел источник доходов. Об этом пишут советские ученые, например, Ф. С. Хакимзянов в книге «Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык» (М.: Наука, 1987). Поэтому во второй половине XIII—XIV вв. восстанавливаются старые и строятся новые города и селения как административно-торговые пункты, центры ремесла и культуры, где в определенной мере развивались литерату-

ра, искусство. На картах итальянских мореплавателей, путешественников Франциско и Доменико Пицини, начертанных в 1367 г., на территории проживания башкир в Закамье, Приуралье и Зауралье изображены города. На этой карте в пределах проживания башкир назван народ Пашерти. В Прикамье имеется город Паскертти. Историк XIX в. Ф. К. Браун существование этого города связывает непосредственно с башкирами. В любом случае, в различных исторических источниках, средневековых картах в период Золотой Орды на территории башкир обнаружено около 40 больших и малых городов. Во многих из них имеются сведения и сообщения о жизни башкир и о наличии башкирских городов, — утверждает профессор Г. Б. Хусаинов (История башкирской литературы в 6-ти томах, т. 1. Средневековый период. Уфа, 1990, с. 166, 167 (на башкирском языке)).

Советские археологи С. А. Плетнева, Н. А. Мажитов, отмечая высоко развитую культуру средневековых башкир, объясняют это «ранним оседанием этих кочевников», раскапывают остатки городищ, селений и городов. Однако этнографы, занимающиеся этим периодом этнической истории народа, отрицая или игнорируя данные археологов, сведения письменных источников, карт, представляют башкир как сплошную кочевническую массу, не имеющую ни постоянные жилища, ни селений, тем более городов. Трудно объяснить и понять такое нежелание признать объективные данные.

Татаро-монгольское иго на несколько веков задержало рост численности населения многих поработанных народов. Численность населения Евро-

пы в XIII—XV вв. не только не росла, а сокращалась. Относительно монгольского ига Маркс в работе «История секретной дипломатии» пишет, что «татары установили господство систематического террора, основами которого являлись опустошения и массовые избиения». Так как в сравнении с их колоссальными завоеваниями они были немногочисленны, то «путем повторной резни они уничтожали народы, которые поднимались у них в тылу». Свободолюбивые и гордые башкиры, известные своею воинственностью и отвагой, никогда не мирились с утерей независимости и как свидетельствуют источники и легенды часто поднимали восстания и боролись за свою свободу и землю. Тысячами гибли «свободолюбивые степные рыцари» в неравной борьбе при жестоких подавлениях восстаний и в бесконечных войнах, которые вели золотоордынские ханы. Поэтому, если в X в. башкир было 200 тыс. человек, то в период присоединения к России, по мнению В. Н. Татищера «было их числом до 70000 душ» (муж. пола — У. Г.), а по весьма приблизительным подсчетам Р. Г. Кузеева около 180—240 тыс. человек. Следовательно, за более чем 5 веков численность башкирского населения не росла, а «срезалась». «По словам грузинского писателя царевича Вахушта, в 1248 г., по велению Батыя, производилась народная перепись во всех странах, ему подвластных» — писал в середине XIX в. академик П. И. Еппен. К сожалению, материалы этой переписи не сохранились.

В исторических легендах народа «Бурзяне во времена ханов», «Акман-Токман», «Башман-Кыпсак Батыр», «Биксура» и других отражена борьба

башкир с завоевателями, их баскаками в горно-лесных пределах края, где джигиты насмерть стояли и гибли за родную землю и свободу. Образы нестигаемых батыров, руководителей сопротивления Акмана, Токмана, Бошмана народ в течении многих веков бережно хранил в своей памяти. В сражениях за свободу против «черных полчищ» погибли сыновья Сурамана Акман и Токман, а батыр Бошман-Кыпсак годами, наводивший страх и ужас на врагов, после пленения отказывается служить ненавистным врагам и не склоняет своей головы до конца.

Башкиры, не прекращавшие своей борьбы за свою независимость, приняли участие в битве, разыгравшейся 18 июня 1391 г. в западной Башкирии, в местности Кундурча, в долине реки того же наименования, притока Волги, в котором войска среднеазиатского эмира Тимура (Тамерлана) с башкирами наголову разгромили армию золотоордынского хана Тохтамыша. По сведениям источников войска Тохтамыша и Тимура насчитывали примерно по 200 тыс. человек и что только в войсках Тохтамыша число погибших в этой битве составляло около 100 тыс. Историческое значение этой победы, наряду с поражением Мамаевых полчищ русскими ратями на Куликовом поле 1380 г. велико, так как в результате разгрома при Кундурче военная мощь Золотой Орды была подорвана, после которого она не смогла оправиться, что создало условия для постепенного разложения золотоордынского государства, которое в дальнейшем распалось на Казанское, Сибирское ханства и Ногайскую орду.

В XV—XVI вв. Башкирия оказа-

лась разорванной на части, представляя собой феодально-раздробленную страну, делившуюся на несколько феодальных владений. Значительная часть Башкирии оказалась в составе Ногайской орды. Самые западные районы Башкирии попали под зависимость Казанского ханства, а зауральские башкиры были связаны с Сибирским ханством. Усилившаяся междоусобная борьба башкирских феодалов, бесконечные раздоры татарских ханов и ногайских мурз, грабежи и войны, всевозможные подати и повинности тяжелым бременем ложились на плечи башкирского народа.

В начале XVI в. интересы Московского государства, расширявшего свои владения, столкнулись с Казанским ханством, которое было ключевым пунктом на жизненно важном для России волжском торговом пути и, главное, оно мешало успешному распространению на восток русской колонизации. Во второй четверти XVI в. Русское государство вступило на путь решительного наступления на Казанское ханство. Русская армия, численностью до 150 тыс. человек, хорошо организованная и оснащенная передовой для того времени техникой, после полуторамесячной осады 2 октября 1552 г. взяла Казань.

Падение Казани и жалованные грамоты русского царя Ивана IV, разосланные народам края, обусловили добровольное присоединение значительной части башкирских племен к Московскому государству. Это присоединение в условиях политической раздробленности Башкирии растянулось на несколько десятилетий и не могло быть единовременным актом. Оценив сложную политическую обстановку и привлеченные обещаниями грамот

Ивана Грозного, предлагавшего стать подданными России, гарантируя неприкосновенность башкирских родоплеменных земель, религии и обычаев, взять под защиту и покровительство от всех врагов с уплатой ясака, башкиры приняли решение присоединиться к России.

Первыми приняли подданство башкирские племена Гайна и Уран, живущие по нижнему течению реки Агидель. Предание повествует, что в 1555 г. от племени Гайна ездил в Казань к наместнику русского царя Айсук-бий. За ним последовали башкиры наиболее сильного и многочисленного племени Мин, занимавшее обширную территорию по долине реки Демы. Ногайские мурзы пытались увести башкир племени Мин на Кубань, но встретили решительный отпор и были изгнаны башкирами. Шежере сообщает, что Канзафарбий, «хотя был весьма молод, но сказал, что ненадобно оставлять свою землю». Послы отправились «за отсутствием удобных путей сообщения на лыжах».

Вслед за минцами в том же 1555 г. подданство «белого царя» приняли восточные соседи минцев — башкиры племени Юрматы, занимавшие территорию по обеим сторонам среднего течения реки Агидель и ее притоков — Куганаку, Ашкадару, Зилиму, Селеуку, Тибрюку, Тору — до Нугуша. Племя состояло из четырех родов, объединенных под предводительством Титигас-бия.

Четыре крупных племени Бурзян, Кыпсак, Тамьян (включающее и Тангаур) и Усерган были объединены в мощный племенной союз и занимали обширную территорию Южного Урала и Зауралья. В составе посольства к государю Ивану Васильевичу

были от Усерган — Бикбау-бий, от Кыпсак — Мушуллы Каракузьяк, от Бурзян — Иске-бий и от Тамьян — Шагали-Шакман-бий.

В 1557 г. башкирские посольства побывали в Москве, куда привезли подарки царю и ясак (дань) в казну. В свою очередь Иван Грозный щедро одарил послов и дал им жалованные грамоты, которыми закреплялось их подданство Московскому правительству и подтверждались все его прежние обещания. По этим грамотам башкиры оставались «на вечные времена» собственниками всех своих земель, обязуясь платить ежегодно ясак пушниной, скотом и медом.

Вхождение Восточной Башкирии в состав Московского государства затянулось на столетия. Башкиры, живущие в верховьях рек Миасса, Исети, Ай и Уфимки, в частности племена Табын, Катай, Айлы, Кудей, начали принимать московское подданство в последние десятилетия XVI в. (с 1585 г). Недальновидная, жестокая политика местной русской администрации толкала восточных, зауральских башкир на союз с Сибирским ханством. Хан Кучум и его наследники оказывали длительное сопротивление русской власти, благодаря вооруженной помощи зауральских башкир: табынцев, сынрянцев и мякотинцев. В начале XVII в. мякотинцы и сынрянцы ушли от кучумовичей, но не спешили признать власть русского государя.

Зауральские башкиры, как и другие сибирские народы, царским правительством были обложены тяжелой данью. Ясак платили пушниной или, позднее, деньгами, размер которого здесь был гораздо больше, чем в Западной Башкирии. В Уфимской час-

ти Башкирии ясак вносился не с каждого человека, а с занимаемой родом или племенем (волостью) земельной площади. В Зауралье ясак взимался с человека. Это был прямой грабеж зауральских башкир.

Присоединившись к России, башкиры не ограничились одним признанием над собой власти царя, они обязались нести военную службу, охранять восточные границы страны, участвовать в походах. Московское государство без всякой борьбы приобретало боеспособную башкирскую конницу, состоящую из лихих воинственных наездников, не знающих страха. Вследствие этого среди башкир появилась довольно многочисленная группа военных служилых людей, которые за службу получали жалованье — поместное и денежное. Башкирские феодалы, участники походов, награждались тарханные грамотами, освобождавшими их от уплаты ясака и дающие привилегии. Многолетняя военная служба, которую башкиры несли за свой счет, являлась тяжелой и обременительной повинностью, тормозившей развитие хозяйств, которое без наличия дееспособных мужчин приходило в запустение и разорение. Башкирскую конницу как «пушечное мясо» первыми бросали в атаку на врага, поэтому «степные рыцари» во множестве гибли и калечились, что приводило к сокращению брачности и рождаемости, численность народа не росла.

Русские власти на первых порах после присоединения не вмешивались в область внутреннего управления башкир. Последние управлялись своими биями, позже старшинами; некоторое значение сохраняло и народное собрание. В условиях Башкирии

не подвергалась преследованию и мусульманская религия, а также обычаи и обряды коренного народа. Управления Башкирией было сосредоточено в Приказе Казанского Дворца. Значительную часть башкирского края в административном отношении составлял Уфимский уезд. Наряду с тем Башкирия была разделена на четыре дороги (от монгольского слова «даруга» — округ): Ногайскую, Казанскую, Сибирскую и Осинскую, которые соответствовали прежним владениям ханств: Казанского, Сибирского и Ногайской орды. Осинская дорога, имевшая сравнительно небольшую территорию, как писал В. И. Филоненко, охватывала узкую полосу между Сибирской и Казанской дорогами. Дороги распадались на родоплеменные волости, подразделявшиеся на роды (аймаки или тьюбы). Родоплеменная знать — бии, постепенно вытеснялась тарханами, получившими за службу царю особые жалованные грамоты. Во главе каждой волости стояли старшины, формально избиравшиеся ее населением.

Для решения важнейших вопросов, касающихся организации военных походов, отражений набегов казахов, калмыков, или готовясь к восстанию, башкиры собирались на йыйыны. В XVIII в. всебашкирские йыйыны собирались в центре края, недалеко от Уфы, у речки Чесноковки. В периоды восстаний башкиры Ногайской дороги собирались на йыйыны у «мечети Азеевой». Русское правительство всячески ограничивало и запрещало всебашкирские съезды — курултаи, но в отдельных волостях, родах и общинах йыйыны продолжали суще-

ствовать.

Йыйыны, проводившиеся с участием широких слоев башкирского населения, особенно молодежи, сопровождались состязаниями (байги) силачей, певцов, кураистов (музыкантов), сәсәнов, конскими скачками, джигитовками, стрельбой из лука, — писал А. Н. Усманов («Присоединение Башкирии к Русскому государству». Уфа, 1960, с. 152).

Ныне, в условиях революционной перестройки, обновления и демократизации жизни общества возрождаются добрые традиции старины — проводятся народные йыйыны как празднества, способствующие сохранению и развитию уникальной национальной культуры и языка, созданные тысячелетиями жизни, труда и борьбы башкирского народа. Большую работу в этом плане проводит Башкирский народный центр «Урал» и его филиалы в Уфе «Ак-тирмэ» и во многих городах, райцентрах и населенных пунктах с башкирским населением. Молодежь, сознающая опасность утраты родного языка и культуры, организовалась в свой Союз башкирской молодежи.

Известно, что со второй половины XVI и XVII столетий постепенно начинается и в последующих столетиях все более ускоряется в темпах и расширяется в масштабах миграция народов в Башкирию. В основном, кроме русских, это представители народов Поволжья: татары, мишари, чуваша, мордва, марийцы, удмурты вынужденные бежать из родных земель в виду различных преследований или гонений: национальных, религиозных, земельных, от крепостного рабства. Башкиры — «дети при-

роды» — гостеприимные, отзывчивые, радушно в своем большинстве, как отмечали русские, ученые XIX в.

С. Г. Рыбаков, Д. П. Никольский, Ф. Д. Нефедов, приняли переселенцев-беженцев. В этой связи, например, взаимоотношение башкир и татар между собой, переселение последних, он объясняет так: «Татары, мишари, башкиры — дети одного отца. Но татары и мишари, потеряв раньше других свои земли, пришли к своим братьям-башкирам. И башкиры сказали: «Душа у нас широкая, земли просторны. Добро пожаловать!». (См.: Уметбаев М. Ядкаръ (Памятки). Уфа, 1984, с. 211 (на башкирском языке)).

Установление численности башкирского населения в XVI—XVII вв. является трудной задачей, но еще более не разрешимой проблемой определение этнического состава населения края в указанный период. По историческим источникам известно, что в первые столетия после присоединения к России, в Башкирии было однородное башкирское население, кроме небольшой группы русских служилых людей, основавших Уфу, и совсем незначительного числа мигрантов казанских татар и «дальней черемисы».

Первые сведения о количестве пришлого населения в крае даны в материалах 1 «ревизской сказки» (переписи населения России, произведенной по повелению Петра Великого), обнаруженные в Центральном государственном архиве древних актов и опубликованные У. Х. Рахматуллинным и Н. Н. Моисеевой, которая подсчитала, что «По неполным данным ландратских книг и ревизских сказок 1719—1723 гг. общее число приш-

лого населения Уфимской провинции составляло 47943 чел., в том числе русских было 20356 чел., татар — 1204 чел., марийцев — 8529 чел., удмуртов — 3386 чел., чувашей — 1204 чел., мордвы — 22 человека. Башкирское население в первой четверти XVIII в. насчитывало 190—200 тыс. человек». (Мосеева Н. Н. Изменения в этнической территории и характере расселения башкир во второй пол. XVI — начале XX вв. — В сб.: Источники по истории и культуре Башкирии. Уфа, 1986, с. 103).

Мигранты, переселившиеся в башкирский край до XVIII в. и в XVIII в., заселяли, в основном, западную и северо-западную части Башкирии, в первую очередь, территорию Мензелинского, Белебеевского, затем Бирского и Уфимского уездов, которые были ближайшими к их прежнему месту жительства или находились на пути их движения, а во-вторых, в тех уездах, местность которых подходила по характеру к той, которые они занимали издревле.

Характерной особенностью политической истории Башкирии XVII—XVIII вв. являются башкирские восстания, вызванные национально-колониальной политикой русского царизма, выразившееся в нарушении «гарантии неприкосновенности башкирских земель, обычаев, религии», обещанных при добровольном присоединении башкирского народа к России в жалованных грамотах. «Башкиры приняли подданство России 400 слишком лет тому назад, — это не завоеванный народ», — напоминал с трибуны Государственной думы депутат от башкир Ш. Ш. Сыртланов, изобличая колонизаторов в расхищении башкирских земель.

Видный советский историк А. П. Чулошников пришел к следующему важному заключению относительно башкирских восстаний XVII и первой половины XVIII вв.: «В конечном счете во всех этих волнениях мы встречаемся с типичным антиколониальным движением, направленным против гнета метрополии и руководимым на известном этапе борьбы также и собственными эксплуататорскими классами. Но при всем этом никогда не следует отрицать прогрессивного и революционного значения башкирских восстаний... Они все же были, несомненно, крупным и положительным фактом в общем развитии и ее колониальных районов» (МИБ АССР. Т. 1. М. — Л., 1936, с. 5, 7, 20) *

В эти два столетия рост численности башкир, который мог происходить как за счет естественного прироста, так и за счет ассимиляции ими значительной части притока татар, ногайцев, мищярей и тептярей на практике его не было, этот прирост фактически «срезался» в ходе башкирских восстаний не только от прямых потерь убитым, ранеными казненными, которые были громадными, но и за счет проданных в рабство жен и детей восставших помещикам, сосланных в Сибирь и бежавших к казахам. Результаты этой жестокой борьбы оказывали отрицательное влияние на демографические показатели: падение рождаемости и снижение брачности, средней продолжительности жизни, высокой смертности, массовых болезней и голода из-за подрыва хозяйства, торможение и отбрасывание вспять уровня развития производительных сил.

В это же время «в XVII в. башкиры часто воевали с калмыками, а в XVIII в. — с казахами, — пишет академик В. В. Бартольд, — кроме того, башкиры часто восставали против русской власти — восемь раз в XVII в. и четыре раза в XVIII в.». Автор имеет в виду только наиболее крупные восстания народа, а всего больших и малых выступлений было около 70.

Краевед В. И. Филоненко в своей книге «Башкиры» (Уфа, 1915) дает хронологию важнейших башкирских восстаний: 1584, 1645, 1662, 1664, 1677, 1680, 1683, 1704, 1707, 1717, 1735, 1736, 1737, 1740, 1755 гг. и далее. По его мнению «Башкирские бунты — не что иное, как своего рода протест против своеволия и произвола местной русской администрации».

«Дорого стоила башкирам эта отчаянная, кровавая борьба. Так во время усмирения Кильмяк-Абысовского бунта в 1735—37 гг. побито, казнено и сослано до 30000 башкир; жены и дети башкирские были розданы на руки желающим. Шесть главных мятежников бунта были посажены на железные колья и укреплены на высоких каменных столбах, 11 человек повешены на железные кручья за ребра, 80 человек просто повешены, 21 — отрублены головы. По свидетельству Рычкова, с 1735 по 1740 г. было сожжено 300 башкирских деревень; казнено 7455 чел., сослано на каторгу 135 чел., отдано помещикам башкирских жен и детей 2882 чел. По сведениям Мензелинской комиссии, казнено и убито в сражениях и при нападении на башкирские селения 9438 чел., сослано на каторгу 3101 чел., роздано помещикам башкирских

жен и детей 6309...», Можно ли, оставаясь человеком, без содрагания и ужаса читать эти строки? Но историю надо знать, ведь без прошлого нет настоящего и будущего.

Профессор И. Г. Акманов, ученый, посвятивший свою научную деятельность исследованиям истории башкирских восстаний, в одной из своих последних работ «Башкирские восстания в XVIII в» (Уфа, 1987) пишет: «Еще в начале 20-х гг. XVIII в., после окончания Северной войны, Петр I «изволил особое попечение иметь... своевольный башкирский народ на вечное время обуздать» и превратить Башкирию в плацдарм для наступления на Казахстан и Среднюю Азию. Затем подобные общие соображения получили более детальную разработку в проектах «птенцов гнезда Петрова»: В. Н. Татищева, А. П. Волынского и И. К. Кириллова, которые жестокими методами приступили к осуществлению замыслов императора. Несмотря на противодействие башкир, началось строительство города-крепости Оренбурга и других, чтобы окружить мятежную Башкирию системой крепостей и военных укреплений.

Кириллов жестоко расправлялся с восставшими башкирами. Так в 1735 г. «он в Сакмарском городке совершил «суд» над 9 пленными повстанцами: одного посадил на кол, второго четвертовал, пятерых повесил». Особенно дикие расправы над восставшими чинил палач башкирского народа Мирза Кутлумухамет (после крещения Алексей Иванович) Тевкелев, царский сатрап, применивший массовые казни. По словам очевидца событий П. И. Рычкова, каратели под командой Тевкелева в дерев-

не Сеянтусы около «1000 человек с женами и детьми их в этой деревне перестрелено и от драгун штыками, а от верных башкир и мещеряков копьями переколото; сверх того 105 человек собраны были в один амбар и тут огнем сожжены». После этого Тевкелев применил свой «опыт» расправы повсеместно. Не отставал от них и Татищев, по распоряжению которого 28 февраля 1737 г. был колесован Сабан Севергулов, четвертован Бокшурга Назаров, обезглавлен Исянгул Мамбетов.

С середины июня и до конца сентября 1740 г. царские войска осуществляли операцию по уничтожению повстанцев, укрывшихся в труднодоступных горах и лесах Сибирской и Ногайской дорог. Истреблению подлежали не только бывшие повстанцы, но и члены их семей, независимо от возраста и пола. Скот и имущество отбирались, а деревни и посеы сжигались.

Но и эта массовая расправа над восставшими показалась Урусову и Соймонову недостаточным наказанием. Они решили оставить у башкир, по их словам, «потомственный страх».

С этой целью, предварительно собрав под Оренбургом около 6 тыс. повстанцев и членов их семей, Урусов 25 августа 1740 г. организовал публичную экзекуцию и казнь башкир: 5 человек были посажены на кол, 11 — повешены за ребра, 85 — повешены, 21 — обезглавлен. Затем всех свидетелей этой расправы погнали в Сакмарский городок, где 17 сентября повторили публичную казнь. Здесь погибло 170 человек. Жены и дети казненных были розданы в крепостное рабство участникам каратель-

ных экспедиций. Кроме того, у 301 человека были отрезаны уши и носы.

Царское правительство подавило восстание с исключительной жестокостью. В ходе борьбы в 1735—1740 гг. башкиры потеряли, по оценке И. Г. Акманова, свыше 40 тыс. человек. В это число не вошли умершие от голода и бежавшие от карателей в казахские степи. В. Н. Татищев писал: «В 1735—1740 гг. башкир погибло, казнено, от голода померло к развезено более 60000 человек».

Каратели сожгли несколько тысяч башкирских аулов, угнали и истребили десятки тысяч голов скота, вытоптали посевы. Это была самая настоящая политика геноцида, проводимая русским царизмом в отношении башкирского народа.

Некоторые авторы, преувеличивая отрицательные влияния трагических последствий этой неравной борьбы, писали: «Глядя на нынешних башкир, трудно представить, что еще так недавно они составляли многочисленный и сильный народ. Башкиры в настоящее время представляют только тень своего прежнего облика». (М. В. Флоринский). «В настоящее время, глядя на башкир, трудно себе представить что это был когда-то многочисленный и сильный народ, которому во второй половине XVI столетия принадлежала, за небольшим исключением, вся земля между Камою и Волгой до Самары, Оренбурга и Орска (тогда еще не существовавших) и на востоке по Миясу, Исети, Тоболу. Оттесненные на узкие долины Уральских гор или окруженные на равнинах русским и татарским населением, нынешние башкирские села имеют вид небольших островков сре-

ди разлившегося русско-татарского моря», — писал В. И. Филоненко. Башкирский народ, переживший ужасы царских экзекуций, как будто застыл в оцепенении или погрузился в летаргический сон» (А. Ф. Рязанов).

Вместе с тем следует отметить, что тернистый путь исторического развития народа в XVII—XVIII вв. не мог существенно повлиять на национальную психологию и характер народа-борца и труженника, который «каждый раз возрождался как феникс, — по утверждению Д. Ж. Валеева, — находил в себе внутренние духовные силы, для дальнейшей борьбы за свое существование и национальное развитие, которая не прекращалась, несмотря на трудности и лишения».

Выдающийся советский историк, академик М. К. Любавский (1860—1936) рассматривал восстания башкир как беспрецедентный исторический феномен. Наиболее ярким проявлением этой борьбы и посвящен его «Очерк башкирских восстаний в XVII и XVIII вв.». Ученый объективно характеризует это явление — башкирские восстания, действительно не имеющие аналогов не только в российской, но и во всемирной истории: «ни одна из народностей России не потратила столько усилий и крови, чтобы отстоять свою старину, свои исконные права на занятые земли и угодья, свой национальный быт, как башкирская. В неравной борьбе она понесла большие количественные, материальные и несомненно духовные потери, но при всем том выявила свою этническую устойчивость, сумела сохранить многое из своего национального наследия и даже абсорбировать в себя значительную часть

пришлых народов». (См.: Любавский М. К. Очерк башкирских восстаний XVII—XVIII вв. — Рукописный отдел Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 364, карт. 5, ед. хр. 1, л. 1).

В последней Крестьянской войне 1773—1775 гг., в которой приняли участие все народы Урало-Поволжья: русские, мордва, чуваша, марийцы, удмурты, татары, «но первое место среди них по количеству участников, масштабам выступлений, наконец, и о роли в общей борьбе принадлежит башкирам», — пишут ленинградские ученые Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин, В. М. Панях. Из-за почти поголовного участия башкир в этой войне, ученые пишут о «восставшем народе» — башкирах, которые дольше других на целый год, особенно в Зауралье, продолжали вооруженную борьбу (об этом: Кулбахтин Н. М.).

XVII—XVIII вв. в ходе многочисленных массовых восстаний и их трагических последствий, сопровождающихся гибелью, казнью, ссылкой или откочевкой из Башкирии в Казахстан и Сибирь десятков тысяч мужчин коренного народа, соотношение численности мужчин и женщин нарушается. Поэтому в тех условиях, когда численность женщин была гораздо выше количества мужчин наличие полигамных браков у башкир сыграло несомненно свою положительную роль. Следовательно, многоженство в башкирском обществе было вызвано к жизни не религиозными догматами ислама, а реальной необходимостью, существованием на протяжении веков национальной истории половой диспропорции. Половая диспропорция рассматриваемого периода в башкирском населении сти-

мулировала развитие этнических процессов с тептярами, мишярами и татарами. Приведенные процессы в большей мере были характерны для северо-западной Башкирии, особенно интенсивно они протекали в Мензелинском уезде, коренным населением которого являются, со времен средневековья, башкиры (См.: Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа). Нельзя не отметить как наши казанские коллеги Д. М. Исхаков и другие пытаются искать «татарские корни» башкирского населения Мензелинского уезда, что является неправомерным не только с точки зрения исторической, но и идеологической, в современных условиях укрепления доверия между народами подобные поползновения направлены на подрыв этих отношений и искажают историческую действительность. Эти вылазки и картографические агрессии наших соседей подверг справедливой критике М. М. Кульшарипов, который в своем докладе на Всесоюзной научной конференции в Омске (1987 г.) отметил: «...следует учитывать национальные чувства других народов, преодолев в себе национальную кичливость и ограниченность». Остается неоспаримым фактом, что северо-западное башкирское население, имевшее давние этнические контакты и взаимовлияния с народами Поволжья, является неотъемлемой частью башкирского народа.

При выработке современного башкирского литературного языка в его основу был положен южный диалект и учтены некоторые черты восточного диалекта; особенности разговорного языка северо-западных башкир не были приняты во внимание. Это не-

правильное решение лингвистов способствовало усилению влияния разговорного языка пришлых татар на местное башкирское население. В школах, размещенных в башкирских селениях продолжили обучение на татарском языке, начало чему было положено еще в дореволюционных медресе и мектебе татарским мусульманским духовенством. В этих условиях возникли определенные колебания и в национальном самосознании. Часть башкир стала записываться татарами: только этим можно объяснить заметное уменьшение числа башкир в Бакалинском, Бураевском, Дюртюлинском, Калтасинском, Туймазинском и других районах, полное «исчезновение» их в бывшем Мензелинском уезде, где в 1920 г. насчитывалось 156789 башкир 122927 татар, 135120 русских. Данный уезд с компактным башкирским населением без учета воли народа был отнесен к созданной Татарской АССР. Этот фактор негативно сказался на демографических показателях этнической группы мензелинских башкир, численность которых по переписи 1939 г. сократилась до 1,5 тыс. человек. Здесь сказалось влияние государственно-административного фактора, ускорившего процесс поглощения татарским этносом башкирского населения уезда (Об этом: Умурзаков Г. Х., Янгузин Р. З. Влияние государственно-административного фактора на функционирование этноса (на примере башкир). — В сб.: Межнациональные отношения и национальная политика в СССР. Всесоюзная научная конференция «Национальные и социально-культурные процессы в СССР». Тезисы докладов. Омск, 1990, с. 197).

Другая часть северо-западных башкир, проявляя этническую устойчивость от переписи к переписи, продолжает считать себя башкирами, хотя язык свой относит к татарскому. Именно у этой части произошел разрыв между языковой принадлежностью и национальным самосознанием. Этим воспользовались казанские «гос-тролеры» и усилили давление на ко-любующихся башкир, в результате целенаправленной политики, проводимой целой системой мероприятий татарских ученых, лекторов, артистов, духовенства (в лице муфтия Талгата Гажетдина и его окружения), численность башкир от переписи 1979 г. к переписи 1989 г. сократилась на 72 тыс. человек, большинство из которых в Башкирии записались татарами.

Несовпадение языковой принадлежности и национального самосознания в наше время явление распространенное, можно привести множество примеров, когда один народ говорит на двух языках, тем более на разных диалектах. Основным критерием определения национальной принадлежности является национальное самосознание, которое не выбирается произвольно, а складывается исторически

— по родству с предками. В. И. Ленин писал: «Не будем людьми, не помнящими родства». У А. С. Пушкина читаем: «Уважение к минувшему, к предкам — вот черта, отличающая образованность от дикости». Словом наши ата-бабалар — прадеды — древние башкиры.

Преувеличивая «отсталость» башкир, в некоторых публикациях пытаются утверждать, что якобы башкиры оставались полукочевниками и в конце XIX века, хотя еще в дорево-

люционный период русские ученые писали о их оседлости и земледелии, например: в XVIII в. академик И. И. Лепехин, затем М. Флоринский, С. И. Руденко и другие. Руденко писал: «Все без исключения башкиры в настоящее время оседлы, живут в домах деревнями. Обычай значительной части башкир выезжать на лето во временные жилища нередко давал повод считать их, совершенно ошибочно, народом полукочевым» (Руденко С. И. Башкиры. — Новый энциклопедический словарь. Т. У, изд. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. СПб., 1912, с. 494).

М. В. Флоринский, посетивший башкирский край летом 1873 г., отмечает: «Образ жизни башкир — по официальным сведениям, кочевой или полукочевой. На этом выражении я должен остановиться, потому что здесь вкралось или смешение понятий, или слово «кочевой» употребляется в официальных бумагах только по старой привычке. Ни того, ни другого условия башкиры не представляют. Все они без исключения имеют дома, живут в деревнях. Одно, что могло дать повод к закреплению за башкирами названия полукочевого народа — это обычай с наступлением весны переселяться в так называемые коши, т.е. войлочные кибитки, которые они, в виде лагеря, разбивают на своих

полях и лугах. Впрочем, эти летние переселения существуют далеко не у всех башкир. И в этом случае так называемая перекочевка не служит выражением кочевых привычек, а просто обуславливается хозяйственными соображениями и удобствами. Они являются настолько же кочевым народом, насколько можно назвать этим именем, например, дачников оренбургских» (Флоринский М. В. Башкирия и башкиры. — Вестник Европы», т. 6, кн. XII, 1874, с. 722).

Итак, начиная с VII—VIII вв. многочисленные средневековые источники называют не только народ, но и страну, землю, горы, чуть позже города под названием «Башкирд», «Башхард» и т.д. Действительно, понятия «страна» и «народ» не складываются молниеносно, в результате каких-то переселений. Эти понятия должны были утвердиться при условии, если население обитало на данной территории, во всяком случае на протяжении нескольких столетий», — справедливо подчеркивал на сессии по этногенезу башкир Н. А. Мажитов. Следовательно, древние башкиры обитали на Южном Урале задолго до появления первых источников о них, из сохранившихся до наших дней. А по свидетельству народного эпоса «Конгур-буга» они находятся здесь с начала нашей эры,